

БУДНИ ОДНОГО БРАТСТВА

ISBN—13: 978-0-359-79923-7

УДК: 1751

Издано:

Независимым Издательством

Budapest 2019

Аннотация

Кому предназначен этот очерк? В узком смысле - людям, которые чувствуют себя близкими к Церкви, интересуются вопросами организации жизни церковных приходов, сами хотели бы сделать что-нибудь доброе на этом поприще. Кроме этих вопросов, здесь рассматривается тема милосердия, помощи несчастным и обездоленным людям, которая всегда была близка Церкви.

В широком смысле, эти страницы предназначаются для людей неравнодушных, душа которых открыта, способна узнавать что-то новое. Такие люди, потратив некоторое время на чтение этих страниц, смогут открыть для себя область жизни, которая до этого была им неизвестна. Важно, что они узнают о ней "из первых рук", увидят её глазами очевидца, который к тому же ведёт себя с читателем честно, не старается ни слишком приукрашивать, ни слишком критиковать описываемую действительность.

Всё это написано на материале реальных жизненных впечатлений. Конкретное место и конкретные имена действующих людей, по понятным причинам, не называются (за редкими исключениями). Место, которое здесь описывается, достаточно необычно - такие мы редко встречаем в нашей жизни - но, возможно, и его описание внесёт некоторый вклад в осмысление нашей современности. О темах и содержании очерка можно с достаточной ясностью судить по его первым двум или трём главам.

Об авторе

Козис Алексей Евгеньевич, 1963 г.р. С 1972 года проживает в Москве. С 1981 по 1987 годы обучался в Московском Государственном Университете, что тоже описал в сочинении. Писать начал именно тогда, в студенческие годы, в основном, на материале студенческих впечатлений. Однако, публиковать тогда ничего не пытался, считая это, скорее, своим личным, внутренним делом. Впоследствии, в 1989-1990 гг. пришёл к вере, и с тех пор посвящает свои творческие способности разработке этой новой темы. Ввиду новизны и важности темы снова не стремился "заявить о себе", или "пропагандировать себя". Этот очерк предназначается к публикации ввиду конкретности его содержания и несомненной общественной значимости темы (конечно, по-своему частной, затрагивающей лишь определённый круг людей). В настоящее время автор работает над серией подобных же документальных очерков. Также могут быть опубликованы и лучшие из прежде написанных сочинений.

Содержание

<i>От автора</i>	<i>5</i>
<i>ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОРПУС НА КРАЮ СЕЛА.....</i>	<i>7</i>
Первые впечатления	7
Немного истории.....	10
Трудовые будни	13
Характеры.....	17
Характеры (продолжение)	21
Молодой волк.....	28
Сельский приход	32
<i>ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РАСПАД.....</i>	<i>39</i>
Большие перемены	39
Последние годы	42
Сектант.....	51
Мысли по поводу	56
Тревоги	62
Тяжёлая обстановка	66
Отъезд. Последние мысли	71
Заключение	76

От автора

Хочу предложить читателю небольшую работу, написанную на материале реальных жизненных впечатлений. Я сам был свидетелем этих событий около 10 лет назад. Предметом этого рассказа служат совершенно реальные люди, совершенно реальное место. Читатель может быть уверен, что он имеет дело не с чьим-то вольным полётом фантазии, а с подлинными описаниями конкретной обстановки, конкретных людей.

Такая задача, конечно, ставит перед автором определённые трудности. Понятно, что здесь негде развернуться его творческой фантазии, и дело ограничивается лишь точными описаниями, подбором, группировкой и расположением материала. Вместе с тем, я всё же пытаюсь подняться над наличной реальностью и включать в этот рассказ и некоторые обобщения. Меня интересует, главным образом, вопрос - как вообще писать об этой достаточно необычной области жизни?.. С одной стороны, она является совершенно особенной, непостижимой, таинственной - и, в этом смысле, вообще неподвластной каким-либо описаниям. С другой стороны, в ней действуют реальные живые люди, со своими характерами, отношениями, стремлениями, целями - и в этом смысле она вполне может быть описана. В самом деле, неужели же, как только речь заходит о Церкви, всем обычным писателям нужно замолкать, предоставляя описание этой особой области жизни лишь особой, церковной литературе?.. Но тогда как же узнают о ней самые обычные, нецерковные люди?.. А потому, видимо, у меня нет другого выхода, как просто описывать взволновавшие меня впечатления, наполнять эту работу самыми разными характерами, ситуациями и собственными мыслями, в надежде на то, что любой человек, который возьмёт её в руки, найдёт в ней хоть что-то интересное. Тогда те, кто близко знакомы с этой областью жизни (т.е. верующие), смогут её здесь узнать, и, таким образом, получат некоторую пользу. Те же, кто по каким-то причинам далеки от этой области жизни, тоже смогут что-то узнать, и в результате тоже получат некоторую пользу, поскольку тогда эта возвышенная и таинственная область жизни, к которой они почему-то до сих пор не прикоснулись, станет им несколько более близка. Так мы с вами, по крайней мере, в области описательной публицистики преодолеем различие между литературой церковной и нецерковной. При этом немаловажную роль здесь будет играть и позиция автора, который, описывая достаточно необычную реальность,

не пытается ни "позолотить" её, ни скрыть некоторых её достаточно серьёзных проблем.

Итак, всё это вполне конкретное место и вполне конкретные люди. Однако, как в этом скоро убедится читатель, я не называю здесь этого места, и почти не называю конкретных имён. Тогда какой же смысл в "документальности" всех этих описаний?.. Видимо, дело здесь в том, что конкретность здесь на самом деле не так уж и важна. Всё это - просто картины нашей недавней жизни, нашей недавней истории. Не так уж важно, где именно находится этот храм, в котором я встретил всех этих людей, и как их звали. Конкретным людям может быть даже неприятно, что я вывел их как участников в деле, которое в конце концов оказалось недолговечным, прекратило своё существование. Важно, какие выводы мы из всей этой истории извлечём (если извлечём). Итак, той обстановки, которая здесь описана, и того дела, которое с ней связано, теперь уже не существует. Но все обстоятельства его возникновения, существования и постепенного распада - это часть нашей недавней современности, и они могут представлять некоторый интерес. Я постарался здесь это в какой-то степени зафиксировать. Надеюсь, что размеры и форма этого очерка вполне соответствуют его внутреннему содержанию. В будущем я надеюсь написать и ещё несколько подобных очерков, посвященных различным сторонам нашей современной жизни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОРПУС НА КРАЮ СЕЛА

Первые Впечатления

В Подмоскovie, сравнительно недалеко от Москвы, есть небольшое село. Первое, что видишь, когда подъезжаешь к нему через подмосковные поля и леса - это большой белый храм. При этом храме ещё около 10 лет назад была небольшая община, в которую попадали люди пьющие, употребляющие наркотики, бывшие заключённые, люди, потерявшие жильё, работу, и вообще те, у которых в жизни что-то не сложилось. Здесь они жили, работали, вместе ходили на богослужения - и в результате у некоторых из них в жизни что-то менялось, они решали свои жизненные проблемы. Об этом необычном месте я и хочу теперь рассказать.

Узнал я об этой общине от одного моего знакомого. Он несколько раз ездил в этот храм, и привёз оттуда самые яркие и живые впечатления. В какой-то момент он предложил и мне съездить туда. Я поначалу не очень рассматривал этот вариант, но потом вдруг неожиданно согласился. Мы с ним приехали в это небольшое село. Я увидел этот двухэтажный кирпичный корпус, в котором действительно жили очень необычные люди, большой прохладный сумеречный храм, в котором каждый день шли богослужения. Священник оказался пожилой, внимательный и ласковый, как к детям родным, относящийся ко всем прихожанам и к своим непростым "воспитуемым". Вокруг раскинулись сельские просторы, поля и леса, среди полей вилась река.

В тот раз в храме было ещё несколько гостей, и нам решили устроить экскурсию. К нам вышел симпатичный, довольно ещё молодой человек, который покормил нас в приходской трапезной, и потом принялся показывать нам территорию. Во время его рассказа неожиданно выяснилось, что он прежде провёл несколько лет в заключении, а когда вернулся, родственники решили отвезти его в эту общину, чтобы здесь он сумел в своей жизни что-то изменить. Здесь он пришёл в себя, окреп - и через некоторое время, благодаря своим действительно ярким талантам, стал руководителем этой реабилитационной общины. Его больше всего удивляло, что батюшка ему полностью доверяет, и что теперь у него под началом столько людей. Он ходил с нами по территории, оглаживал раскинувшиеся просторы, и восхищённо восклицал, что никак не может поверить, что

он, бывший уголовник, теперь столь полезный человек, и что теперь он "за всё это отвечает". Я, со своей стороны, никак не мог поверить, что такой милый и симпатичный человек по какой-то странной причине провёл столько лет в заключении. Его рассказ рисовал с очень доброй стороны эту общину и это место, в котором, судя по всему, действительно возможно было возвращать к жизни подобных "заблудившихся" людей.

С каким странным чувством я вспоминаю теперь этот его рассказ!.. Теперь, когда всем известно, что стало в конце концов и с этим делом, и с ним самим, и со многими другими проживавшими там людьми!.. Прошу прощения у читателя, что приоткрываю сразу перед ним эту "завесу" - но я теперь могу рассказывать об этом деле только так, целостно, с точки зрения того, что известно мне теперь. Надеюсь, что даже так, лишённый "эффекта неожиданности", мой рассказ, тем не менее, будет чем-то интересен и полезен.

Но тогда все эти последующие события, конечно же, никому не были известны. Мне полюбилось это место своей тишиной, своим размеренным сельским укладом и своими просторами. Так получилось, что я и впоследствии стал время от времени ездить сюда. Кончилось тем, что следующей весной я собрал в Москве кое-какие вещи, снова приехал в это село, и попросил поселить меня в этом корпусе, вместе с алкоголиками и наркоманами. Свободные места, к счастью, оказались. Мне отвели койку в большой общей комнате на пять человек. Так я стал завсегдаем этого места, и мог получить о нём более близкие и тесные впечатления.

Как передать эти картины деревенских просторов, жизни на свежем воздухе, здоровых и неторопливых сельских работ?.. Конечно, в полном смысле слова жителем этого корпуса я никогда не был, некоторые дни я спокойно проводил в Москве - но зато потом снова собирался и ехал в эту деревню. Здесь я старался выполнять не очень сложную работу, в основном, в корпусе или на участке, в свободное время гулял по полям. Здоровье моё, от природы не очень крепкое, поправлялось. Поистине, это была счастливая мысль - начать ездить в это село, и приобщиться к жизни этого братства! Но я теперь должен вести мой рассказ ближе к корпусу и его обитателям.

Вот, например, утро в нашей большой общей комнате. Солнце врывается в большие широкие окна. Многие ещё спят. Вообще-то по распорядку мы должны вставать в 6 часов, и идти на молитву в храм, но далеко не все это исполняют, и многие не отказывают себе в

удовольствии понежиться в постели до завтрака. На одной из соседних постелей - новый человек. Его привели вчера вечером, когда я уже спал. Как позже рассказывали, его нашли пьяным прямо в посёлке - он лежал, задумчиво глядя в небо, прямо на проезжей части шоссе. Наши братья спасли его из-под колёс очередной несущейся машины и привели в братство. Как оказалось, он уже не первый раз в этом корпусе. Впоследствии я ближе с ним познакомился - это оказался очень умный, интересный, волевой молодой человек. Это не раз было предметом моих тогдашних раздумий - что заставляет людей вести такой странный и беспорядочный образ жизни.

Вот, например, ещё один из обитателей корпуса - помощник руководителя братства (которому иногда, в трудные для братства времена, и самому приходилось быть руководителем). По виду это самый обычный деревенский парень - правда, с несколько хулиганскими замашками. Не раз уходил из корпуса куда-то в село, и возвращался с кровоподтёками и синяками. И вот - этот человек в другие, более благоприятные моменты своей жизни проявлял самый искренний и серьёзный интерес к делам братства. Он беспокоился и переживал, когда в нём что-то не ладилось, болел за него душой, радовался его успехам. Впечатление было такое, что братство было его подлинным детищем. Потом опять что-то срывалось, он напивался, или шёл драться с ребятами на другой конец села. Говорил, что пойдёт в соседнее село, соберёт там "своих ребят" - и они придут сюда и "всё здесь разнесут". Потом снова приходил в себя, и снова начинал заботливо и достаточно ответственно заниматься делами братства. Поистине, загадочна человеческая душа!..

И кроме этого - десятки и сотни людей, которые в разное время побывали в этом корпусе - людей, у которых в жизни, по нашим меркам, что-то не сложилось, потерявших жильё или работу, или побывавших в заключении, подверженных разным вредным привычкам, или просто по каким-то причинам ищущих себе пристанища, узнавших об этой общине через родных или знакомых, людей верующих или не очень верующих, жизнь которых изменилась, или не очень изменилась после пребывания здесь... Я пока привел только два или три наиболее ярких характера, из тех, которых я встретил во время моего пребывания здесь. Но таких людей я встретил здесь десятки... Попробую описать, по крайней мере, некоторых из них в моих кратких воспоминаниях.

Немного истории

Я описал мои первые впечатления. Но я должен, хотя бы вкратце, коснуться и истории этого дела. Так будет яснее мне самому, а может быть, и читателю, что же произошло впоследствии.

Эта история началась ещё давно, в семидесятых-восемидесятых годах. Тогда в Москве жил один человек. Про него мне известно только то, что он работал в медицине. Его знали и любили многие, поскольку он отличался добрым характером и открытой душой. Сохранились истории о том, как он бескорыстно помогал совершенно незнакомым людям, только лишь из желания поддержать человека и сделать доброе дело. К вере он пришёл ещё в 70-е годы, сравнительно молодым человеком. В обществе, где вера в то время, мягко говоря, не поощрялась, он, тем не менее, сознательно и совершенно твёрдо выбрал этот путь. В узких кругах, которые в то время, вопреки остальному обществу, хранили веру, он видимо, принадлежал к молодому поколению верующих, которые в каком-то смысле составляли "надежду и будущее Церкви".

Впоследствии наступило церковное возрождение. Церковь прочно оказалась на поверхности общественной жизни. Пробудился новый интерес к вере, в храмы стало приходить множество новых людей. Это было время открытия и восстановления прежде разрушенных храмов. Этим храмам нужны были священники. Тогда-то и возникла идея рукополагать некоторых надёжных и испытанных мирян, с целью поручить им заботы о таком восстановлении. Он попал в это число.

Сохранилась история о том, как произошло его рукоположение. Когда ему сообщили об этих планах, он не мог сразу ответить определённо и положительно. Конечно, он был верный сын Церкви, и всеми силами стремился ей послужить. Но он был не один - у него была семья, любимая жена. Как отнесётся она к этой резкой перемене жизни, согласится ли вместе с ним взять на себя этот круг новых, необычных забот?.. Священство означало серьёзный жизненный поворот, изменение всего образа жизни - по существу, это был новый жизненный этап.

Он сказал, что должен поговорить с ней - и лишь после этого принять решение и дать ответ. Дома он рассказал супруге об этих неожиданных планах. И о чудо - она согласилась! Так наша медицина потеряла замечательного врача - но зато Церковь приобрела нового замечательного священника, и так началось возрождение этого храма. К этому времени ему было уже за 50.

Когда они с матушкой приехали в это село, здесь всё нужно было начинать практически с нуля. Храм был сильно разрушен. Хозяйственных вспомогательных построек вокруг не было. Помощников, конечно же, поначалу тоже не было. К счастью, у новоиспечённого священника оказался хороший организаторский талант. Ему удалось собрать вокруг себя надёжных, ответственных людей, на которых вполне можно было опереться. На дальнем конце села закипела стройка. В результате в течение нескольких лет храм был полностью восстановлен. Возникла большая территория, на ней - различные хозяйственные, подсобные строения. Вокруг храма постепенно создавалась большая церковная община из жителей этого села, из жителей соседних сёл и небольших близлежащих городов, и из людей, приезжающих сюда из Москвы.

Но я должен вести свой рассказ ближе к нашей небольшой алкогольно-наркотической общине. Ещё в первые годы восстановления храма, т.е. в годы "великой стройки", наш священник принимал на эту стройку не только профессиональных рабочих, но и любых людей, способных каким-то образом в ней участвовать. Так, если, образно говоря, мимо храма проходил и в его ворота стучался какой-нибудь человек сомнительной внешности - бездомный, безработный, или пьющий, или бывший заключённый - то батюшка не закрывал перед ним двери своего сердца, а принимал его, позволял ему здесь жить и работать. Это уже само по себе свидетельствовало об огромной широте души нашего священника. На нём лежала огромная ответственность за храм, за богослужение, за прихожан - и, казалось бы, поэтому сюда нужно было принимать только людей проверенных и надёжных. Но батюшка был в каком-то смысле выше этого, открывал своё сердце целому миру, готов был вместить в себя людей самой трудной судьбы. И действительно, ничего плохого не происходило. Люди жили в вагончиках и сараях, участвовали в стройке, получали возможность здесь отогреться, отъесться и прийти в себя. Для многих из них это открывало в дальнейшем какую-то новую жизненную перспективу. Некоторые из них в дальнейшем совершали серьёзный поворот к вере. История храма полна свидетельствами о таких людях, которые, в результате работы здесь, в дальнейшем находили жильё, работу, устраивали свою личную жизнь, решали другие проблемы, возможно, находили себя в служении Церкви. Так что "широта души" батюшки, несомненно, приносила добрые плоды. В результате здесь, на окраине подмосковного села, под духовным руководством этого яркого и необычного священника, складывался необычный "универсальный" приход, в котором могли

найти духовный приют и представители московской интеллигенции - и такие вот исключённые из общества, "падшие" люди. Работа при храме открывала перед ними некоторые новые возможности, давала им некоторый "шанс".

Свидетельства о том, что жизнь храма в то время действительно была довольно странной и беспорядочной, доносят до нас некоторые воспоминания очевидцев. Так, говорят, что в первые годы строительства храма по территории его всегда ходили самые странные и отъявленные личности. Более культурных и интеллигентных прихожан, которые приезжали сюда из Москвы, это смущало. Но батюшка чувствовал себя в этой обстановке совершенно свободно - его широкой души хватало и на тех, и на других.

Впоследствии, когда на территории храма возникло много подсобных строений, обстановка здесь изменилась, и все смогли расположиться здесь с **большими** удобствами. Батюшка перебрался в просторный и удобный приходской дом (матушка его к тому времени уже скончалась - Царство ей Небесное!..). Но и в эти годы иногда случалось, что ночью он просыпается у себя на втором этаже в приходском доме - а у него над постелью стоит какой-нибудь бомж или наркоман!.. Из таких случаев видно, что батюшка действительно ничего не боялся. Душа его была открыта любому человеку - и представителю высшей культуры, и представителям самых нижних слоёв общества. В этом церковном приходе на краю села действительно происходило что-то необычное, то, чего, как правило, не происходит в нашей обычной, повседневной жизни. Священник этот действительно служил Богу, и им руководил сам Бог.

В дальнейшем, когда храм и основные постройки на территории были завершены, характер батюшки не изменился. Он по-прежнему принимал на территории храма самых разных людей и давал им несложную работу по хозяйству. Сначала такие люди жили в бытовках, потом для них был построен специальный корпус. Старожилы и "ветераны" помнят, что когда-то батюшка принимал гораздо большее участие в жизни этих людей. Когда-то он вместе с ними просыпался, вместе читал утренние молитвы, потом они вместе делали зарядку, вместе бежали на речку купаться... Но шло время - и батюшка, видимо, в первую очередь в силу возраста, стал постепенно отдаляться от своих подопечных. Он теперь больше занимался богослужением, общими вопросами жизни прихода - а руководство этой необычной общиной передал другим людям, из числа её же членов. Братство теперь

полностью перешло на самоуправление. Именно этот период его жизни я и застал.

Вновь и вновь хочу повторить - несмотря на некоторые несовершенства и сложности, которые я здесь описал, здесь делалось очень необычное, доброе и полезное дело. Необычен был сам этот храм, неожиданно выросший буквально "на пустом месте" в этом небольшом селе недалеко от Москвы. Необычна была община этого храма, состоявшая, в основном, из интеллигентных, творческих людей. Необычно было и это небольшое братство, в котором несчастные люди могли найти приют и отдых и имели надежду на возвращение к нормальной жизни. Всё говорило о том, что здесь, на этой небольшой территории в 15 километрах от Москвы, делается действительно Божье дело. Собственно, обо всём этом деле в целом, об этом храме и его общине на фоне нашей современной церковной жизни я и хотел бы здесь написать. Но основой моих наблюдений станет всё же то, с чем я здесь близко и непосредственно столкнулся - это небольшое реабилитационное братство для людей, в целом тем или иным образом несчастных, а в особенности - для страдающих алкогольной и наркотической зависимостью. К описанию жизни этого братства я теперь и перейду.

Трудовые будни

Как же мне называть эту организацию?.. Я поначалу назвал её общиной, поскольку именно так в первый раз о ней узнал, и так поначалу её воспринимал. Но вот, наконец, пришлось употребить и другое название - "братство", "братство трезвости" - так называли свою организацию сами обитатели корпуса. Есть ли здесь какая-нибудь существенная разница? Думаю, что нет - в любом случае речь идёт о некотором единстве людей, добивающихся определённых целей и имеющих для этого определённые порядки и правила. Правда, цели эти достигались далеко не всегда, и жизнь братства нередко давала "сбой". Но, поскольку я задался целью описать это дело в целом, и его удачные, и неудачные стороны, то и должен описать то, с чем сталкивался любой человек, первый раз попавший сюда, т.е. здешний обычный, рядовой день.

Итак, в лучшие дни, когда дисциплина в корпусе не "хромала", здешний день начинался с молитвы. Все собирались в большом гулком храме и становились рядом в правом его приделе. Читали молитвы все

вместе, по очереди. Некоторые члены братства, которые в этом особенно поднаторели, читали уверенно и бойко, их голоса ясно разносились под высокими сводами. Другие ошибались, запинаясь, у некоторых (как правило, новичков) совсем ничего не получалось. Братья демонстрировали удивительное терпение и не перебивали, чтобы человек всё же сам постепенно мог научиться. Если дело шло совсем плохо, то следующий вступал и продолжал чтение, чтобы не задерживать общей молитвы.

Приходской священник, специально приставленный к братству, благословлял собравшихся крестом, и после этого все шли снова в корпус. До завтрака никаких работ не полагалось, и в это время некоторые могли ещё подремать. Тем временем внизу, на кухне, уже вовсю шло приготовление пищи. Этим занимались дежурные, которые назначались из самих же братьев. Ими руководил повар - человек, более опытный в этом ответственном деле. Дежурные назначались по списку - и, таким образом, каждый обитатель корпуса имел возможность в какой-то момент принять участие в этом важном и увлекательном деле.

Наконец, наступало время завтрака. Все собирались на первом этаже в большой трапезной. На столах уже стояли тарелки и приборы, угощение было разложено в больших мисках. Каждый накладывал себе сам, сколько хотел. Я замечал, что новички, недавно попавшие в корпус, поначалу нервничали, старались наложить себе побольше, набирали побольше кусков хлеба, чтобы им хватило. "Старожилы" же вели себя более спокойно. Хватало, действительно, всем. Если кому-то чего-то не доставалось или было мало, то можно было ещё со своей тарелкой подойти к окошку кухни и получить добавки. Впрочем, я, конечно, говорю о самых лучших временах в жизни братства, о его самых благополучных днях.

После завтрака начинались работы. Они были самые простые, вытекали из потребностей хозяйства деревенского храма. Помню, кто-то пилил деревья на чурбаки, кто-то колол дрова, кто-то работал в большой столярной мастерской, кто-то - на находившейся в дальнем конце двора конюшне; два или три человека готовили в это время обед; кто-то мог участвовать в стройке воскресной школы, происходившей на одной из соседних территорий. Летом иногда все погружались в большую машину и ехали на какое-то далёкое поле сгребать сено. Зимой нужно было разбивать лёд на дорожках, ведущих к храму, вовремя убирать снег.

Я, мало способный к тяжёлым работам, иногда помогал на кухне, однажды вместе со всеми ездил сгребать сено, иногда поливал деревья

на территории храма, зимой чистил снег. Все работы осуществлялись в естественном порядке, по мере возникновения потребности. Иногда сотрудники храма - руководители воскресной школы, или книжной лавки, или библиотеки - обращались к братьям, чтобы те помогли им сделать какую-то текущую работу.

Эта трудовая, здоровая обстановка, безусловно, благотворно действовала на людей, оказавшихся в братстве. В этой простой, свободной атмосфере, под открытым небом человек действительно мог прийти в себя, окрепнуть - а потом, набравшись сил, действительно решить какие-то жизненные проблемы. Благотворное действие этой обстановки я вполне на себе испытал.

После работ могло быть краткое время отдыха, и потом наступал обед. Вообще, жизнь братства, имевшая достаточно строгий общий распорядок, была, конечно же, не слишком регламентирована в деталях. Так, например, человек мог устать во время работы, вернуться в корпус, и там некоторое время отдыхать. Он мог вообще оставаться в корпусе, если для него не было работы - и руководитель братства, если возникала потребность, приходил в корпус и его вызывал. В целом жизнь была достаточно свободная. Потому я и обращаю внимание на это время в середине дня, когда все уже не работали, а просто ждали обеда. Это рисует простоту, естественность, не напряжённость здешней обстановки.

После обеда наступало, наконец, общее время отдыха, когда люди могли заниматься чем угодно, просто находиться в корпусе и лежать на своих постелях. Наличие такого времени, несомненно, выказывало заботу о людях.

После этого во второй половине дня люди ещё какое-то время работали.

Около 6 часов все работы заканчивались, и люди шли в храм. После небольшого богослужения наступало, по существу, свободное время - я не помню, чтобы оно как-то регламентировалось. Некоторыми ориентирами, или "вешками" в нём были следующие события - ужин, вечерние молитвы, иногда - просмотр фильма. Из этих событий, пожалуй, самым интересным был просмотр фильма. Это происходило в большой клубной комнате, на первом этаже. Все собирались перед большим телевизионным экраном и выбирали фильм для просмотра. Фильмы обычно смотрели серьёзные - из советской или современной классики. Однажды, помню, мы смотрели здесь известный фильм "Остров", в другой раз - ещё более известный фильм "Андрей Рублёв". Конечно, люди здесь были самые разные, с разным жизненным и

культурным опытом, и после фильма иногда возникало обсуждение.

Эти вечерние просмотры оставили во мне особенно тёплое впечатление. Обстановка в клубной комнате сплавляла, объединяла людей. Именно здесь все тревоги и заботы дня отступали, и человек мог отдохнуть душой, чувствуя, что он не один.

После фильма наступало уже совсем свободное время - люди гуляли по корпусу, заходили друг к другу в гости, некоторые сидели у подъезда на лавочке или гуляли во дворе. В холле коридора стоял диван, и там, я помню, всё время кто-то сидел и играл на гитаре. Наконец, около 11 часов ложились спать. В корпусе гасили свет, всё затихало до следующего утра. В нашей большой общей комнате на несколько человек в большие незанавешенные окна таинственно падал, оставляя полосы на постелях, полу и стене, лунный свет.

Так спокойно, размеренно и неторопливо текла жизнь корпуса. Но такой размеренной и неторопливой она была только в лучшие дни. Иногда вдруг что-то неуловимо менялось - и вся жизнь в корпусе шла кувырком. Такое обычно случалось, когда запивал кто-нибудь из руководителей братства. Дело в том, что, хотя они и стремились всеми силами исправиться и чувствовали ответственность за людей, но были тоже живые люди, и "ничто человеческое было им не чуждо". В такие дни всё братство дружно погружалось в запой. Лишённые сдерживавшего их примера, теряли над собой контроль и все остальные обитатели корпуса. В комнатах появлялось спиртное, обстановка в корпусе становилась неуправляемой, все обычные работы прекращались.

Так продолжалось обычно несколько дней. Потом, под влиянием собственных укоров совести, грозных увещеваний батюшки, а главное, видимо, потому, что некоторая неуловимая потребность в людях "насыщалась" и возникала потребность вернуться к нормальному образу жизни, всё постепенно вновь приходило в норму. Корпус вновь превращался в спокойное, уютное и респектабельное "братство трезвости". Но урон, который наносили подобные "сбои", трудно было переоценить. Они, главным образом, давали нам всем понять, что всё здесь очень непрочное и ненадёжное, не представляет никакой реальной опоры для жизни, буквально "висит на волоске".

Такие сбои, или срывы повторялись регулярно. Ни сами руководители братства, ни тем более батюшка ничего не могли с этим поделать. Эта проблема, очевидно, была неразрешима при данном устройстве этого дела, т.е. при том, что руководителями в братстве были

поставлены люди, сами страдающие той же общей бедой, которые при всяком удобном случае могли "сорваться".

Так текла эта жизнь - неделя за неделей, месяц за месяцем. Некоторый период её я застал - о других слышал от давних обитателей братства, от "старожилов". Но я понимаю, что главное в описании любого места - это люди. Таких людей - самых разных судеб, привычек, характеров - я немало здесь встречал. Попробую ещё некоторых из них описать.

Характеры

Начну с одного молодого человека, которого я в первый раз встретил ещё года за два до приезда сюда, тоже в одном очень интересном месте. Тогда я посещал одно небольшое подворье, тоже расположенное за чертой Москвы, прямо в лесу. Там на небольшой лесной территории был большой деревянный дом, и в нём жило несколько человек. Связано это место было с хранением памяти репрессий 30-х годов. В таких местах обычно нет никакой подлинной, реальной церковной жизни, поскольку всё в них посвящено "хранению памяти о прошлом". Люди здесь не приходят к вере, не приводят к вере других людей, не участвуют ни в каком общем деле, не знакомятся, не создают семьи, не воспитывают в вере своих детей. Они просто создают и сохраняют здесь некоторый "памятник". Так и здесь - несколько человек в этой тихой обстановке, всё время молились, узнавали о тех, кто когда-то был здесь расстрелян, изредка принимали здесь группы родственников погибших тогда людей... Но я начал об этом молодом человеке. Он был родом с Кавказа. О его жизни я знаю только то, что он сам сумел мне рассказать. Там, в своём родном городе, он принадлежал к молодой компании, которая употребляла наркотики. Однако у него оказался крепкий характер, и он нашёл в себе силы от них уйти - и даже вовсе из этого города, который, видимо, был для него источником соблазнов. За городом, в горах он нашёл небольшую общину, которую содержал православный священник, и которая как раз имела цель отлучения людей от наркотиков. Там он провёл несколько месяцев. Потом оттуда ушёл - но не стал возвращаться в родной город, а принял решение отправиться в Москву. В Москве он устроился работать в каком-то магазине. Появились новые знакомые, новая компания - и вот, через какое-то время он начинает чувствовать, что его снова "затягивает" (на этот раз речь шла, видимо, о спиртном). Но у молодого человека был

уже опыт - и вот, он идёт в ближайший храм и говорит священнику, что он снова хотел бы жить и работать при храме, в здоровой обстановке, и тем избежать городских соблазнов. Здесь обратим и на силу воли молодого человека, на его способность "остановиться", "взять себя в руки", и на то, что он уже прочно связывал возможность исцеления с Православной Церковью. Так он попадает в эту общину. Здесь он быстро освоился, стал ценным, можно даже сказать, незаменимым работником. Здесь-то, начав в какой-то момент посещать это место, я его и встретил. Он через некоторое время полюбил разговаривать со мной, и даже проникся ко мне каким-то особым уважением - хотя, честно говоря, не знаю, чем я, такой слабый и плохой работник, это заслужил. До сих пор с удовольствием вспоминаю этот ясный, открытый, волевой характер.

И вот теперь, в этом подмосковном братстве, я вдруг снова неожиданно встретил его. Видимо, в той, прежней общине у него ещё тогда были проблемы. Жить там действительно было непросто - под Москвой, на отдельной закрытой территории, так что он, приехав в Москву, по существу, не видел Москвы. Здесь же он оказался в большом селе и мог свободно передвигаться. В том, что он оказался здесь, не было ничего удивительного. Все такие места некоторым образом связаны, и обмениваются между собой своими жильцами. Так, ещё тогда, когда мы с ним встречались в той лесной общине, некоторые люди ездили оттуда сюда, а отсюда туда. Он, приехавший в Москву издалека, конечно же, по-прежнему не имел здесь жилья. Поэтому, как говорится, сам Бог ему велел оказываться в таких местах, где, при содействии Церкви, находили себе приют самые разные люди, испытывающие жизненные трудности.

Но смущало несколько само направление, которое могла принять его жизнь. Покинуть родину, приехать в Москву - и здесь оказаться "завсегдатаем" таких вот реабилитационных братств, закрытых подворий, монастырей - то ли это было, чего хотелось ему пожелать?.. Не принимала ли его жизнь какое-то странное направление?.. Такие места создают как бы особую "систему", особый круг людей - трудников, паломников, курсирующих между ними - и это, видимо, само по себе в чём-то неправильно. Печально было бы, в самом деле, если бы молодой человек просто "пополнил" собой эту систему!..

Но, к счастью, видимо, этого не произошло. Имея крепкий и волевой характер, этот человек сам позаботился о своей судьбе. Ему, видимо, удалось где-то найти работу, быть может, даже жильё. Последний раз, когда я его видел в корпусе, он прощался с братьями и

просил их помочь ему перевезти на новое место вещи. С тех пор я больше его не видел. Так хочется верить, что у него всё в жизни сложилось неплохо!..

Я почему так долго останавливаю внимание на этом молодом человеке? Дело в том, что он напомнил мне множество других приезжающих в Москву молодых людей. По-своему талантливых, одарённых, ищущих самоосуществления, самореализации - но почему-то не имеющих этих возможностей у себя на родине и стремящихся в эту огромную шумную Москву, в которой почему-то сосредоточились почти все возможности общественной и деловой жизни. А Москва часто бывает к ним неприветлива, Москва не готова их принять. Сколько трудностей часто приходится преодолевать таким людям! И вот, этот молодой человек решил обратиться за помощью к Церкви. Были ли у него какой-то другой вариант? Думаю, что нет - в нашем обществе просто нет других сил, которые готовы по-настоящему уделить человеку внимание, по-настоящему помочь человеку. Правда, сама форма этой помощи - его пребывание сначала в той закрытой лесной общине, а затем в реабилитационном братстве, по-настоящему, до конца не решала проблемы. Это была лишь поддержка, опора - главное он должен был сделать сам. И всё же Церковь очень серьёзно помогла ему в этом случае. Думаю, что другого варианта у него просто не было. И потому очень хорошо, что он ещё тогда, на Кавказе обратился в эту общину в горах, и, таким образом, связал свою жизнь с Церковью. Эти поддержка и опора спасли его от каких-то других, более серьёзных жизненных проблем. И как хорошо и другим таким людям, путешествующим по стране, стремящимся реализовать, осуществить себя, помнить про Церковь! А самое главное - помнить о Боге, и чтобы им в жизни Бог помогал! Тогда меньше будет у них возможностей в этой жизни сбиться с пути, потеряться. Хотя, конечно, такие немногие места, где можно на некоторое время найти приют, не решают по-настоящему их проблем.

Продолжу описывать характеры встреченных мной там людей. Вот, например, ещё один молодой человек, который всю жизнь прожил в Москве, но тоже столкнулся с теми же проблемами. Узнав от знакомых о существовании такой реабилитационной общины, он на некоторое время решил приехать сюда. Здесь священник поручил мне с ним общаться, поскольку его интерес к Церкви и стремление изменить свою жизнь были действительно серьёзными. Молодой человек очень старательно ко всему относился, на совесть работал, аккуратно посещал

службы. С таким человеком, искренним, равнодушным, действительно интересно было говорить. Пребывание в братстве, несомненно, пошло ему на пользу. Недели через две он искренне сказал мне, что за это время понял о Церкви то, чего он раньше не понимал, увидел "красоту Церкви". Хорошо, что он довольно скоро отсюда уехал! Иначе бы отрицательные явления в братстве, которые непременно бы в скором времени проявились, могли его смутить и разочаровать!

Другой юноша работал в московском ресторане. В конце концов, эта жизнь перестала его удовлетворять. Он пошёл в один из московских храмов, где как раз встретил меня, и я посоветовал ему съездить в это братство. Молодой человек действительно поехал, и провёл здесь несколько недель. Не знаю в точности, как сложилось его пребывание здесь - по обстоятельствам жизни мне больше почти не пришлось с ним общаться. На внешний взгляд, он вполне вписался в эту обстановку, успешно работал, нашёл здесь много новых знакомых. Надеюсь, что это время всё же оставило в нём яркие, незабываемые впечатления. По крайней мере, он сумел вырваться из Москвы, полностью сменить обстановку, свой жизненный круг. Для многих людей именно этой возможностью это место и было особенно ценно.

Я привожу примеры людей, которые действительно стремились изменить свою жизнь, обратились для этого за помощью в Церковь - и получили некоторую пользу. Впрочем, мы не знаем, как сложилась в дальнейшем их судьба: проведя несколько недель или месяцев в братстве, они покидали этот корпус, и связь с ними прерывалась. Мне впоследствии приходилось слышать, что на человека, таким образом возвращающегося к обычной жизни, вновь накатывают прежние искушения - им вновь овладевает привычная обстановка, возвращается прежний круг знакомых, и всё может вернуться снова "на круги своя". К сожалению, такие места оказывают своё действие на человека лишь "локально", т.е. только когда человек в них находится. Но в это время они действительно оказывают своё благотворное действие - и, я думаю, многие из моих знакомых это на себе ощутили.

Те люди, которых я только что описал, действительно стремились что-то "сделать с собой", изменить свою жизнь. Будем надеяться, что пребывание в братстве в какой-то степени в этом им помогло. Но были у нас и люди, которые вовсе не преследовали таких "высоких" целей. Они проживали в братстве "просто так", находя здесь на более или менее долгое время временный приют. К рассказу о них теперь и перейду.

Характеры [продолжение]

Итак, продолжаю описывать характеры, или даже лучше сказать, "типы" людей, встреченных мной в этом корпусе. Следующий тип представляли, если так можно выразиться, "завсегдатаи" подобных мест. При этом я имею в виду не только подобные реабилитационные братства, которые, вообще говоря - довольно редкое явление в нашей современной церковной жизни, но и вообще все места, где Церковь предоставляет людям возможность проживания и работы - различные монастыри, подворья, скиты, ночлежные приюты для бездомных, которые созданы, вроде бы, изначально с совершенно другими целями. Подобные места представляют собой как бы некую особую "систему", и, как уже было сказано, часто обмениваются между собой своими жильцами. Человек может пожить какое-то время в одном таком месте, потом отправиться в другое, потом в третье, и т.д. К такой "системе" принадлежало и наше братство.

Разумеется, ни о каких духовных целях в данном случае говорить не приходится. Таким людям безразличны духовные цели тех мест, где они оказываются - будь то монастырь, скит, или подобное братство трезвости. Единственное, о чём здесь идёт речь - о выживании. Человек, оказавшись в очередном месте, думает, как бы получше приспособиться, вписаться в здешнюю обстановку, как бы подольше здесь продержаться. Часто этого возможно достигнуть просто достаточно точным исполнением заведённого распорядка. Человек живёт, ни к чему не стремится, никого не трогает, исполняет заведённые правила - и вполне может показаться, что он действительно примерный член братства. Потом гладишь - он уже точно так же живёт где-то совсем в другом месте. Такие люди, ввиду отсутствия в них глубоких и живых духовных стремлений, мне почти не запоминались.

Вместе с тем, парадокс состоял в том, что некоторые из таких людей, видимо, в силу своей особой близости к монашеству и к монастырям, склонны были чувствовать себя какими-то особенно опытными в духовном отношении. Опытность эта, однако, состояла не в их собственном духовном труде, а в том, что они посетили множество таких мест, встречались и беседовали со многими известными "батушками" или "старцами". Вряд ли при этом они были для этих старцев серьёзными и глубокими собеседниками - скорее всего, они встречались с этими духовно опытными людьми из любопытства, чтобы

о чём-то их "спросить", или получить от них "помощь". Впоследствии они пересказывали другим людям об этих встречах, что в их устах должно было в первую очередь свидетельствовать об их собственной "церковности". Таких людей я несколько раз в своей жизни встречал. С ними совершенно ни о чём невозможно было нормально говорить. Стоит завести с ними разговор на духовную тему, как они тотчас же брали на себя "учительный" тон, объясняя это тем, что "так говорил такой-то старец". Мне приходилось беседовать с человеком, который всегда говорил что-то совершенно несусветное, объясняя это всё тем же "мнением старцев". Станный, фантастический круг!.. Мне всегда он казался каким-то искусственным, ненастоящим. Это - как какой-то странный "двойник" нашей Церкви, не имеющий уже реальных основ для своего существования, но ещё сохранившийся и существующий на каких-то закрытых территориях, на каких-то дальних подворьях и в монастырях...

Ведь настоящая Церковь - это мы с вами, дорогой читатель, находящиеся в своей обычной, как правило, городской обстановке, обретшие веру и живущие с ней! Находясь в этой обстановке, мы заботимся об очищении наших душ, стремимся быть верными друг другу, заботиться о приобщении к вере новых людей. Мы не стремимся сменить обстановку, уйти куда-то от жизни, найти какие-то особые, специальные условия, в которых нам можно было бы удобнее "спастись". Оставаясь в мире, мы познаём Бога, храним верность Богу - и, таким образом, вера в мире сохраняется и распространяется.

И вот вдруг рядом с этим - какой-то совсем другой образ Церкви, где люди уходят от реальной жизни, чтобы вместе собраться на каких-то закрытых территориях, завести там какой-то свой особый уклад... Мы ничего по-настоящему не знаем об этой жизни, и, если трезво взглянуть, то обитатели этих мест по-настоящему ничего не знают о нас... Мы постоянно слышим, что там живут какие-то особые люди, достигшие особых духовных высот - но почему-то они редко приезжают к нам, чтобы оказаться "на горячем участке" и позаботиться об этом мире - а только лишь ждут, что мы приедем к ним, чтобы, оказавшись в этой особой искусственно созданной атмосфере, приобщиться к их жизни. Эти две области жизни почти не пересекаются, не взаимодействуют - и если "там" вдруг начинает нами интересоваться, то, скорее всего, лишь затем, чтобы "учить и наставлять" нас, нами руководить и управлять.

Может показаться, что приведённые рассуждения несколько резки, что они ставят под сомнение столь важную для Церкви вещь -

монашество. Но не о монашестве здесь идёт речь, а только лишь о нашем времени, и о том, какой образ духовной жизни для него предпочтительнее. Без сомнения, в Церкви могут и должны быть люди, для которых вера в жизни - важнейшая и даже единственная ценность, которые целиком посвящают себя служению Христу. Могут они встречаться и в наших приходах, могут они и собираться, объединяться, налаживать некоторый совместный образ жизни, даже создавать более или менее крупные общежития. В то же время наше время - это время, в основном, возрождения приходских храмов и создания приходских общин. В центре его - обычный человек, приходящий к вере, его дальнейший духовный путь и духовное единение таких людей. Для монашества нужно, чтобы среди таких людей появилось достаточное число людей, имеющих высшие духовные стремления, чтобы их перестала удовлетворять общая духовная жизнь, чтобы они от неё уединились, а затем бы снова объединились друг с другом на основе этих более высоких духовных стремлений. До этого дело у нас, очевидно, не дошло. Монашество, которое существует у нас - это, скорее, некоторая "память о прошлом", "след" в нашей жизни прежних эпох. В некоторые прежние эпохи тот процесс, который был описан только что, уже произошёл. Монашество выделилось из окружающей его церковной жизни и заняло в ней главенствующую позицию. Так, в частности, было и в России до революции, где за многие столетия сложился сложный и налаженный строй церковно-государственной жизни. Но в наше время существует несомненное чувство, что вся та эпоха закончилась, и что мы стоим уже в начале новой эпохи. Наша современная церковная жизнь не есть прямое продолжение дореволюционной церковной жизни. И вот, в этой нашей современной жизни на первое место вышло именно возрождение приходских храмов. Монастыри стали открываться как дополнение, скорее просто с целью возрождения комплексов древних пустовавших зданий. Что там за этими стенами происходило, мы с вами не знаем - но в печать иногда просачивались сведения о чрезвычайных трудностях, с которыми сталкивались люди при осуществлении этой идеи возрождения древних монастырей. Отсюда следует, что время для такого возрождения, скорее всего, ещё не пришло. Монашество, по крайней мере, "созерцательное", "ушедшее от мира", в нашей современной церковной жизни не так естественно и органично, как в прежние эпохи. В центре этой жизни совершенно явственно и несомненно стал мирянин, человек прежде неверующий, пришедший к вере, находящийся в гуще современной

городской жизни и ходящий в самый обычный приходской храм. Последние церковные тенденции появления "активного монашества", так же живущего в гуще городской жизни, участвующего в жизни приходских храмов, лишь это подтверждают. Так неожиданно в наше время изменились сама атмосфера, сам "колорит" церковной жизни.

Впрочем, я, может быть, напрасно поднимаю эти непростые темы, тем более что в этой области жизни у меня нет опыта. Меня интересуют, на самом деле, мои впечатления от пребывания в братстве. Не раз я встречал здесь представителей этой "второй Церкви", которые любили ездить по подворьям и монастырям. Они приезжали из одного такого места, и через некоторое время собирались ехать в другие такие места. Обстоятельства нашей реальной жизни их совершенно не интересовали. Все разговоры их были об обстановке этих мест, о людях, которых они встречали там - и ясно было, что от этого они вовсе и не собираются возвращаться к нормальной жизни. При этом они часто полны необъяснимой уверенности, что там-то, в этих условных и искусственных местах, и есть настоящая жизнь, и что с этой позиции, будучи слегка приобщёнными к ней, можно всё вокруг оценивать и всех вокруг поучать!.. Станный, иллюзорный, фантастический мир!.. Странная "параллельная Церковь", состоящая из людей, стремящихся наладить какую-то свою особую жизнь на отдельных огороженных территориях - и людей, духовно зависимых от них, перемещающихся между этими территориями в поисках возвышенных советов и наставлений!.. Ни с одним из таких людей мне не удалось завести настоящий, серьёзный и честный разговор на какую-либо реальную, современную, серьёзную и честную тему!.. И потому я здесь, в этих размышлениях, посвящённых нашей церковной современности, почти ничего не буду о них писать.

Но вернусь к впечатлениям от жизни в нашем корпусе.

.....

Были здесь люди, которые попали сюда совершенно случайно. Например, убежал молодой человек из дома, пошёл бродяжничать - узнал от знакомых об этом месте - и тоже сюда! Или кто-то совершил какой-то проступок, его ждёт наказание - но он "ударяется в бег", тоже узнаёт об этом корпусе и тоже оказывается здесь. Такой у нас один, по крайней мере, был. Все знали, что он что-то такое совершил, но совсем его не трогали и, конечно же, относились к нему по-доброму. Как-то раз я видел, как он после службы сидел в храме и о чём-то спокойно и доверительно разговаривал с батюшкой. Надеюсь, что пребывание в братстве всё-таки сыграло в его жизни полезную роль и помогло ему его

проблемы решить.

Были у нас "возвышенные" натуры, озабоченные поисками смысла жизни. Так, например, придя однажды в трапезную, я вдруг увидел в ней незнакомого молодого человека. Впоследствии я познакомился с ним, и он рассказал мне свою историю. Отправившись в свои романтические скитания, он оказался в одном подмосковном монастыре. Когда срок пребывания там закончился, он искал, куда бы ещё ему пойти, и там ему сказали про наше братство (как я уже сказал, все такие места каким-то образом связаны, и обмениваются между собой своими "жильцами"). Попав в братство, в нашу большую общую комнату, он, как впоследствии сам мне рассказывал, в первый момент подумал, что оказался в аду. Но после быстро освоился и понял, что здесь вполне, и даже очень неплохо можно жить. Он успешно пел и читал на клиросе, с удовольствием помогал в библиотеке. С ним очень интересно было поговорить. Впоследствии, покинув наш храм, он вернулся в Москву, и там через некоторое время стал одним из лидеров московского "радужного" движения. Так что даже и такие необычные тенденции в нашей современной общественной жизни берут, на самом деле, своё начало в этом подмосковном корпусе.

Однажды летом здесь появился серьёзный человек средних лет, который вёл себя культурно и собранно, и держался несколько особняком. Он оказался работником одного из подмосковных храмов, который чем-то "проштрафился", и его батюшка отправил его сюда "на перевоспитание". Впоследствии я с ним немного познакомился - хотя по некоторым причинам, как оказалось, он избегал общения со мной. Делать ему здесь было, на мой взгляд, абсолютно нечего. Он просто напрасно проводил здесь время. Если у него и были в его приходе проблемы, характерные для братства - то решать их надо было каким-то другим путём, а не отправлять его в "перевоспитательное братство". Для меня это был пример человека, искренне служащего Церкви, и оказавшегося "в зависимости" от своего батюшки. Малейший недочёт, недоразумение - и батюшка считает себя способным распоряжаться его судьбой, определять круг людей, в котором ему общаться, место, где ему жить, и т.д. Ясно, что ни в какой "реабилитации" он, в действительности, не нуждался. Некоторое расширение круга жизненных впечатлений там, у себя в приходе, новое ответственное дело, возможность получить духовное образование - и те небольшие проблемы, которые, возможно, действительно у него были, были бы решены. Пребывание в нашем корпусе далеко не для всех было

полезным. Для некоторых людей, стремящихся искренне служить Церкви, оно могло означать полный жизненный тупик. Потому-то, возможно, этот серьёзный человек и избегал общения со мной - он чувствовал во мне близкого по духу человека, но находящегося здесь на отдыхе, который мог в любой момент приехать и уехать - он же должен был жить здесь постоянно, и потому, возможно, чувствовал, что мы с ним "не ровня". Куда-нибудь уехать возможности у него не было - он находился в послушании у своего батюшки. Странная ошибка некоторых священников, что они могут "решать судьбы" своих прихожан, "распоряжаться", "управлять" ими! В этом, безусловно, заключается духовная болезнь нашего времени. Впрочем, не знаю конкретной ситуации этого человека и его священника.

Этот человек был интересен тем, что он писал стихи. У него была особая тетрадка, в которую он их записывал. Как-то, несмотря на несколько напряжённые отношения между нами, он всё же дал их мне почитать. Стихи оказались хорошие, хотя, может быть, и несколько наивные. Некоторые из них я даже себе переписал. Такие вот интересные люди встречались в нашем корпусе!

Были у нас люди, которые хорошо пели, играли на гитаре. Так, помню как-то появившегося в нашем братстве человека, который частенько сидел в большой клубной комнате или в коридоре с гитарой. Он много раз исполнял сочинённую им самим песню, в которой каждый куплет был посвящён одному из лиц Святой Троицы - Отцу, Сыну, и Святому духу. Для меня сюрпризом и полной неожиданностью было узнать, что, оказывается, он был протестант.

Был у нас и писатель - уже немолодой человек, который иногда приезжал в братство и работал здесь поваром или плотником. К нему все относились очень по-простому - но доподлинно было известно, что он прежде писал, и теперь продолжает писать рассказы, повести и статьи. Это был очень интересный человек, с которым много о чём можно было поговорить. Мне совершенно не интересно, хороши ли были эти его рассказы и повести, и удавалось ли ему их где-нибудь публиковать. Я благодарен судьбе за то, что мне приходилось в разное время и в разных местах встречать таких людей.

Итак, корпус братства становился "приютом" для самых разных людей - одарённых, творческих, ищущих. Правда, нужно сказать, что для людей, в чём-то неблагополучных, в жизни которых что-то не сложилось. Но, с другой стороны, кто же из нас скажет, что он полностью благополучен, что его жизнь складывается полностью удачно! Так что, в

каком-то смысле (хотя и не буквально), этот корпус был "зеркалом" нашей современной жизни!.. И потому я напоследок скажу ещё об одном типе людей, характерном для нашего общества и нашего времени - о "равнодушных".

Иногда в корпусе приходилось встречать человека, который, вроде бы, никаких правил не нарушал. Он аккуратно утром вставал на молитвы, аккуратно шёл работать. Он даже вроде бы не слишком нарушал и "трезвенные" правила корпуса - в его комнате не так часто можно было найти спиртное. Но присмотришься к нему повнимательнее - и вдруг видишь, что ему *всё равно*. Он оказался здесь просто в поисках приюта. Вопросы духовной жизни, спасения ему безразличны. Ему нужно было, чтобы было что поесть, и крыша над головой - до остального ему дела не было. Он очень хорошо понял, что если вести себя тихо, незаметно, не привлекать к себе внимания, то можно продержаться здесь какое-то время. А потом?.. Что ж, потом можно будет поискать другое подобное место.

Таких было довольно много в нашем корпусе. Они жили здесь, работали, ходили на молитвы - но с ними было совершенно не о чем поговорить. Они ничего не хотели, ни к чему не стремились. Вот такие-то люди и создавали, на самом деле, настоящую проблему для братства. В их среде тонула любая инициатива, любая живая идея, они были как болото. Из-за этого-то, может быть, руководители братства, которые все же стремились к чему-то доброму, часто и "срывались". С такими людьми невозможно было договориться, как-то на них повлиять. Из-за них братство, которое изначально существовало, конечно же, с определённой целью, теряло самый свой внутренний "нерв", самый смысл своего существования.

Интересно, что батюшка, который, конечно же, многое замечал и понимал, тем не менее, продолжал принимать таких людей. Сказывалась, видимо, "инерция", заложенная ещё в самые первые годы существования братства, когда сюда принимали любого человека, попросившего помощи и приюта. Человек приходил - и его сразу же направляли в корпус, а особенности его характера и поведения выяснялись впоследствии.

Так и теперь, много лет спустя, братство принимало всякого, изъявляющего желание здесь жить и работать. Каких-то серьёзных средств работы с людьми, их воспитания, влияния на их характер по-прежнему не было. Все надежды возлагались на распорядок, работу на свежем воздухе, богослужения.

И вот такой человек попадал в корпус. Распорядок был несложный, к нему он быстро привыкал. Крыша над головой, еда, удобная постель есть... И вот происходило неизбежное - он расслаблялся. Он понимал, что если жить тихо, ничего особенно не нарушать, то можно и дальше здесь оставаться. Можно даже понемногу баловаться спиртным, но так, чтобы никто особенно не замечал. В обстановке общежития к людям обычно относятся снисходительно: ну что же, живёт человек, к нему уже привыкли, за что же его выгонять... Так постепенно, подспудно жизнь в корпусе делалась неопределённой, аморфной, теряла свои ориентиры. Батюшка всё так же без разбору продолжал всех принимать. На первый взгляд, здесь делалось удивительно доброе дело, совершались чудеса христианской любви - и всё же это было не совсем так. Жизнь в корпусе на всём готовом, при соблюдении минимальных внешних правил многих постепенно развращала. Подлинного духовного наполнения она для многих была лишена. Нет, всё-таки что-то здесь было не так!.. Всё-таки что-то во всём этом деле, во всём его замысле и осуществлении было неправильно!.. Что-то здесь было не продумано, не учтено!.. С этим, возможно, и были связаны последующие печальные события.

Молодой Волк

Я описал людей самых разных - по-своему несчастных, по-своему неблагополучных, - но всё же это были, если можно так сказать, вполне "обычные" несчастья, вполне "обычное" неблагополучие. Были у нас такие люди, что, глядя на них, буквально сердце разрывалось. О некоторых из них я тоже хотел бы здесь рассказать.

Ещё в первую весну, когда я только начал ездить сюда, я заметил здесь одного молодого человека. Он поразил меня каким-то особенно волевым, и, я бы даже сказал, жёстким выражением лица. Со всеми окружающими он общался чрезвычайно грубо и резко, как бы выделяя и "отгораживая" себя, как бы противопоставляя себя всем. Все остальные члены братства, да и члены прихода буквально "стонали" от характера этого молодого человека, и, наверное, только и мечтали о том, чтобы он отсюда куда-нибудь ушёл, и больше не возвращался.

Тем не менее, батюшка его держал. Впоследствии я понял, с чем это связано. Оказывается, здесь же, в приходе находилась и его мать. Они вместе с ней оба бродяжничали, и пришли сюда в храм в поисках приюта. Они были откуда-то очень издалека, кажется, из Сибири. Кажется, их оставил отец. Не знаю в точности обстоятельств, которые

привели их к теперешнему положению - но почему-то им пришлось оставить родной город, уехать совсем в другой конец страны, и вот теперь здесь скитаться от храма к храму в поисках приюта.

Его мать я тоже иногда видел у кухни во дворе храма - грустную забитую женщину, которая выносила из кухни помои или чистила картошку. Выбора у них, судя по всему, не было. Батюшка проявил обычную сердобольность, и, согласно давнему принципу помогать всякому нуждающемуся, взял их к себе в приход. Её определил на кухню, его - на конюшню. Судя по всему, этот приход, это братство и были тем единственным местом, где они могли как-то, более-менее сносно существовать.

Но как это было объяснить молодому человеку двадцати с лишним лет? Лишённый отца и родины, оказавшийся в чужом месте среди чужих людей, он, конечно же, замкнулся и ушёл в себя, как дикобраз, выставил иголки, и весь отдался самой дикой и беспощадной борьбе за существование. Конечно, все эти люди, чужие, незнакомые, с такими непростыми судьбами и характерами, воспринимались им как враги! Чтобы выжить, не дать "слабину", отстоять и утвердить себя, он видимо, и был так непримирим, резок и груб, так что от него хватались за голову даже самые отъявленные и грубые члены братства. Не уважал и не признавал никого, жил, как король у себя на конюшне, пьянствовал там, водил туда к себе деревенских девок... Подлинно, как я уже сказал, он был несчастьем и "бичом" не только братства, но и всего прихода!..

А между тем, если приглядеться, было в его характере что-то, чего, может быть, не каждый замечал. Так, например, порядочные, культурные, крепкие молодые люди, которые приезжали в гости в братство из Москвы, почему-то в первую очередь искали общения именно с ним. В нём, несомненно, было это - умение нравиться людям, привлекать людей. Я думаю, что это были прирождённые качества лидера. Но качества эти приняли неверное направление, и, вместо того, чтобы объединять людей, вдохновлять их на какое-нибудь общее доброе дело, он просто привлекал их к себе и вовлекал в круг интересов своей достаточно грубой и страстной натуры.

В дальнейшем я наблюдал течение его судьбы. Находясь в братстве, он почему-то, несмотря на благоприятную обстановку, никак не мог "взяться за ум", начать чему-то учиться, заняться каким-то серьёзным делом. По-прежнему он воспринимал наше братство просто как "крышу над головой", а не как средство действительного решения своих проблем. Находясь в постоянной конфронтации с окружающими,

отстаивая и утверждая перед ними своё "я", он, конечно же, всё время пребывал в сильном напряжении, и потому часто "срывался". Часто его можно было видеть ходящим по корпусу и выпрашивающим несколько десятков рублей у "денежных" членов братства (т.е., как и я, приходящих в корпус "со стороны"; поступившим в корпус на реабилитацию денег вовсе не выдавали). Потом начиналось затяжное и буйное пьянствование на конюшне, в которое ему, как прирождённому лидеру, удавалось вовлечь и ещё некоторое количество склонных к тому, стоящих "на грани" и готовых сорваться людей. Никакие правила и порядки братства в данном случае не действовали - в таком состоянии люди просто переставали их признавать. Так получалось, что мы все жили будто на пороховой бочке, и этот молодой человек вносил заметный вклад в создание этой тревожной обстановки.

Батюшка, как я уже говорил, демонстрировал удивительное терпение - но в каких-то критических случаях не выдерживал и всё-таки его выгонял. Но куда он мог пойти один - вместе с ним в таких случаях уходила и мать. Они шли куда-то в другое место, устраивались там, и какое-то время их не было видно - но потом они всё равно возвращались. Батюшка снова оттаивал и снова "под честное слово" принимал его, и поселял их на территории храма. Так непутёво, беспорядочно и неприкаянно складывалась жизнь этой пары. Было жалко его, но ещё больше было жалко мать, которая выступала как бы заложницей ситуации, страдала так же и за своего непутёвого сына.

В их совместных скитаниях случалось так, что они могли и потерять друг друга. Так, однажды после долгого отсутствия он вернулся в братство один, без матери. Члены братства посоветовали ему поехать в Москву и обратиться на телевидение, в известную передачу, которая помогает людям найти пропавших родственников. Он действительно поехал и выступил в этой передаче - и через некоторое время мать его действительно нашлась. Тогда это было радостью для всего братства.

Но, несмотря на этот временный успех, всё оставалось по-прежнему. Из-за его пьянства и беспорядочного образа жизни их с матерью снова выгнали из храма. Они снова где-то долго скитались - и в конце концов снова потерялись. Один, голодный и замёрзший, он глубокой зимой снова пришёл в братство. Однако, обстановка в братстве изменилась - батюшка уже не хотел его пускать. Он перемогался где-то за территорией - в каких-то вагончиках и бытовках. Мы, его прежние знакомые, носили ему туда еду. В какой-то момент в стычке с местными парнями его побили, он получил ссадину, и началось воспаление.

Теперь, когда речь шла о жизни и смерти, его всё-таки взяли в корпус. Но это снова по-настоящему ничего не могло изменить. Поправившись, он некоторое время жил довольно спокойно - а потом вновь принялся за старое. Он мог или бродяжничать, преодолевать невероятные жизненные трудности, бороться за свою жизнь - или, оказавшись в довольно спокойном и уютном месте, расслаблялся и начинал пить. Причиной этого, кроме общего беспорядочного характера его жизни, могло быть и полное отсутствие жизненной перспективы. Он не знал, зачем он живёт, какой смысл в его жизни. Способности к чему-то стремиться, ставить перед собой цели, чего-то добиваться, осуществлять планы в этот столь важный начальный период его жизни в нём так и не были развиты. Оставались только чисто "животные" способности выживать, спастись от голода, искать себе приюта - и, оказавшись в достаточно спокойном и тёплом месте, считать всех вокруг врагами и, из-за полной беспросветности и бесперспективности жизни, беспробудно пить.

И потому единственное, что оставалось - это, из чувства общего человеческого сострадания, вновь и вновь принимать его в корпус, давать ему посильную работу, питание и жильё, а беспорядочность его жизни и различные его выходки терпеть. Такие люди в каком-то смысле сами не виноваты в том, в какой они оказались ситуации. Нет, конечно, в какой-то степени они виноваты, и всегда можно разобрать, какие именно их ошибочные решения или действия привели их к теперешнему положению - но часто это уже невозможно исправить и изменить, и приходится принимать реальность такой, как она есть. Меня всегда удивляло и умиляло, как окружающие люди - те, которые понимали духовные цели братства, которые находились в этом приходе ради служения людям и ради молитвы, всегда подчёркивали, что этот молодой человек не безразличен им, близок им. Не раз я видел, что более опытные духовно люди подчеркивали, что у него совершенно нормальный характер, что они рады находиться вместе с ним. Другие члены братства, из старожилов, когда он после долгих месяцев скитаний вновь возвращался к нам, давали ему понять, что они рады, что он снова пришёл в корпус. Нет, всё-таки не был он обделён здесь заботой и вниманием! Помню, как одна пожилая женщина, руководительница нашей воскресной школы, когда он уже окончательно потерял мать и остался в мире совершенно один, жалела его и ласкала, как ребёнка - и он откликался на это и плакал вместе с ней. Я думаю, в таком отношении проявлялось естественное наше сочувствие к людям, которые оказались

в трудной жизненной ситуации, но сами отчасти в этом не виноваты. Как-то так получилось, что за те несколько лет жизни братства, которые я наблюдал, именно этот молодой человек, столь резкий, неуживчивый, одинокий и неустроенный, многим стал как-то особенно дорог. Я думаю, что такое отношение всё-таки что-то изменило в его душе.

Я ведь почему так долго останавливаюсь на этом молодом человеке? Он, на мой взгляд, был одним из тех людей, у которых были добрые качества и задатки - но они, из-за трудно и неудачно сложившейся жизни, так и не развились. Это был человек одарённый, талантливый, талант которого так и не реализовался. Где он теперь?.. Как сложилась его жизнь?.. Через несколько лет я перестал ездить в братство, и мы с ним больше не встречались. Как сложилась судьба этого молодого человека, который почему-то многим так запомнился?..

Видите ли, меня последнее время посещает странное чувство. У меня часто бывает ощущение, или даже уверенность, что этот молодой человек не так давно погиб - не знаю, как и почему это случилось, в своих скитаниях, от голода, болезней, или в драке - но его нет больше с нами на этой земле. И, если это действительно так, то у меня невольно возникает вопрос - зачем всё это было?.. Какой во всём этом был смысл?.. Зачем они уехали из родного города, зачем скитались в незнакомых краях, зачем оказались в этом двухэтажном корпусе на краю поля, среди чужих, незнакомых людей?.. Зачем вообще живёт человек на земле?.. Что такое вообще человеческая жизнь?..

Бывшие члены братства - откликнитесь!.. Мир тесен, и, быть может, эти мои воспоминания, быть может, несовершенные, с которыми далеко не все согласятся, сыграют роль той телепередачи, и наладят некоторую связь между когда-то встретившимися там людьми. Быть может, кто-то знает и о судьбе Александра, или Сани, которого я, пусть неумело и неточно, как сумел, здесь описал. У меня есть некоторая последняя надежда, что моё предчувствие, может быть, ошибочно. Но если и не так - то всё же тогда мы сумели уделить ему некоторую долю тепла.

Сельский приход

Я хотел описать и ещё некоторых таких "неблагополучных" людей, но думаю, что пока достаточно. Мне кажется, что и той истории, которую я описал, достаточно для того, чтобы разорвать сердце. Поэтому попробую теперь отвлечься от корпуса братства и взглянуть несколько шире - на весь приход в целом, и даже больше - на нашу современную

церковную жизнь. В конце концов, и весь приход, и это небольшое братство были её частью, и всё, что в них происходило, было отражением других, более широких процессов. Быть может, такой, более широкий взгляд поможет лучше понять эту обстановку.

Итак, к тому времени, о котором я говорю, приход уже достаточно окреп. Он занимал довольно большую территорию на окраине села. Помимо главной территории, к нему относилось ещё несколько дворов - двор с приютом для девочек-сирот, двор детского культурно-просветительского центра, и двор с домом, в котором жили священники. Хозяйству храма принадлежали также большой приходской дом с трапезной, книжная лавка, большая библиотека, уже известный нам корпус братства, а также большая конюшня и столярная мастерская.

Батюшка показал себя замечательным организатором. Он собрал вокруг себя деловых, энергичных людей, которые помогли ему всё это создать и поддерживать. Чего стоил один только архитектор, который работал в здании культурно-просветительского центра, и по проектам которого было построено большинство строений на территории! Не меньшее впечатление производила и стройная статная женщина, староста храма, которая брала из детских домов девочек-сирот и воспитывала их здесь же, в собственном доме. Сам корпус братства был построен на деньги богатой женщины-спонсора, которая часто приходила к нам в братство и относилась к его обитателям, как родная мать.

То же касалось и остальных сотрудников храма - второго священника и алтарников, регента, работниц библиотеки и книжной лавки, преподавательницы воскресной школы. Итак, батюшка проявил себя здесь с хорошей стороны - он сумел собрать вокруг себя надёжных людей, близких по духу, которые служили для него прочной опорой.

Этим, однако, дело и ограничилось. Дальше, в более "низкие" слои эта замечательная структура не шла. Я не заметил здесь никакого большого общего дела, в котором участвовал бы каждый прихожанин, пусть и в меру своих небольших сил, в котором он чувствовал бы свою важность, в котором бы он за что-то отвечал. Жизнь храма очень чётко распадалась на два круга: на тех, кто здесь всё организовывал - и на тех, кто просто приходил сюда; на тех, на которых здесь "всё держалось", которые "давали" - и на тех, которые "брали".

Я далёк от того, чтобы осуждать в чём-нибудь нашего священника - мудрого, делового, обладающего внутренней трезвостью и прекрасным знанием людей, и, в конце концов, действительно создавшего этот

приход. Ему, как организатору всей здешней жизни, конечно, лучше было видно, как вести дело. Но меня интересует здесь сам вопрос об устройстве Церкви, церковного прихода, о месте человека в этой жизни. Вот все мы пришли в Церковь. Какова наша роль в ней? Безусловно, люди, которые не сидят дома, а приходят в храм, собираются вокруг священников. Но для чего они собираются, с какой целью, чтобы наладить все вместе какую жизнь?.. Священник собирает вокруг себя духовно близких людей. Но для чего он их собирает? Для того чтобы они стали близки и друг другу, стали между собой братьями и сестрами во Христе. Это не происходит просто так, для этого нужны серьёзные усилия, нужна их молитва друг о друге, нужно организовать их общение и взаимодействие.

Итак, священник, кроме молитвы и богослужения, организует общение и взаимодействие прихожан. Иначе как же они станут близки друг другу, как Христос будет пребывать среди них?.. Признаюсь, мне больше по душе незаметный священник, скромный *служитель* Церкви, который обучает людей всем необходимым духовным навыкам, налаживает их общение и взаимодействие - и сам как бы уходит в тень. Тогда мы видим действительного представителя иерархии, действительного *священнослужителя*. При этом он, конечно, должен иметь рядом круг надёжных, ответственных людей, чтобы "управлять" этим непростым духовным организмом, основу жизни которого невозможно выразить словами, поскольку в этой основе присутствует нечто необъяснимое и невидимое. Но этот круг, это "ядро" прихода, эта организация, по сути, не являются главным, а главное - вся жизнь прихода, все эти люди, их собственное общение с Богом и отношения между ними.

Но что же тогда значит привычная картина церковной жизни, в которой батюшка - как "отец родной", которого любят, к которому идут за советом, которого считают непогрешимым авторитетом в вопросах духовной жизни, и т.д.? При всей привлекательности для многих этой картины, она, видимо, изображает собой более низкий уровень веры. Здесь это высокое единство *во Христе* подменяется единством вокруг конкретного человека. Здесь, по существу, только сам батюшка - представитель Церкви, здесь приходом, или общиной, по существу, является лишь узкий круг близких ему людей, а остальные приходят в храм как "пользователи", или как "пациенты", которые находятся здесь на излечении.

Можно предположить, что такая картина досталась нам от прежнего, т.е. дореволюционного периода нашей церковной жизни, когда номинально верующей считалась вся страна, и храмы существовали, в основном, для совершения богослужений, и в храмах "работали" священники и небольшие группы помогавших им людей. Впоследствии, в советское время, когда Церковь оказалась в оппозиции к обществу, такая же картина привычно сохранилась в немногих продолжавших действовать приходских храмах. Но наше время поставило перед Церковью совершенно иные задачи. На первый план вышел человек, приходящий к вере, его внутренний духовный путь, и затем - объединение таких пришедших к вере людей. Особую важность приобрели церковные общины, способные приводить к вере и наставлять людей - быть может, существующие даже независимо от храмов, просто в обществе. Главным средством такого наставления стало общение, беседы - поскольку никак вера лучше не передаётся, как посредством *слова*. По сравнению с этим картина приходской жизни как "поместья", которым руководит добрый и заботливый священник, в котором всё основано на богослужении, привычном сложившемся укладе, общем ведении хозяйства, и в которое большинство людей приходят как "пациенты" на излечение, а батюшка и узкий круг близких ему людей играют роль "врача" и "санитаров", выглядит не очень востребованной, не естественной, не соответствующей действительным потребностям нашего времени. Таким образом реализует себя церковная жизнь некоторой прежней, уже безвозвратно ушедшей эпохи.

Особенно необычным это бывает, когда такая жизнь реализуется в городе. Иногда приходишь в какой-нибудь городской храм, а там всё та же привычная картина - большая территория, попытки ведения хозяйства, добрый и заботливый батюшка, как будто "хозяин" всей этой территории, налаженный уклад, долгие богослужения - короче, всё, как будто в каком-то далёком сельском приходе. В таком храме осуществляется некоторая иллюзия, некоторая "мечта" о патриархальной сельской жизни. Подлинные задачи современной городской церковной жизни в нём так и остаются не выполненными.

Но вернёмся в описываемый мной сельский приход. Здесь, пожалуй, осуществилась именно та картина церковной жизни, которую я только что описал - напоминающая одновременно поместье и большую больницу. Большинство прихожан приходили сюда просто на богослужение, а узкий круг сотрудников здесь всё организовывал и осуществлял. Богослужение играло особую роль в жизни этого прихода.

Службы были спокойные, неторопливые, и проходили каждый день. Я думаю, в этом сказывались монашеские традиции. Вообще, некоторая молитвенная созерцательность была особенностью жизни этого прихода. Возможно, это тоже имело основание в том, что некоторыми прежними наставниками батюшки были монашествующие. Приходской же жизни по существу, так как её понимают в нашей церковной современности, не было. Изредка проходили большие приходские беседы, которые, по существу, не были беседами, на которых в глубоком молитвенном молчании сидели давние пожилые прихожанки, а говорил, в основном, сам батюшка.

Другой основой жизни прихода было большое хозяйство. Постоянно происходили какие-то работы на территории. Потому-то постоянно и возникали вопросы совместного проживания и трудовых послушаний. Потому я и говорю, что этот приход напоминал поместье - такая обстановка вообще характерна для поместья. Здесь осуществлялась церковная жизнь на особой территории, которая складывается среди собравшихся здесь и непосредственно находящихся здесь людей, многие из которых здесь же и проживают. Возможно, это объяснялось естественными причинами - тем, что приход находился в селе, и тем, что здесь всё изначально складывалось вокруг строительства храма. Возможно, такая обстановка как-то бессознательно ведёт к созданию большой территории и хозяйства. Но нужно учитывать и то, что это был, по существу, городской приход, он находился всего в 15 километрах от Москвы - и этих своих городских задач он, в сущности, не выполнял. Здесь мог бы возникнуть настоящий центр духовного просвещения, который наполнил бы смыслом жизнь множества имеющих весьма серьёзные жизненные проблемы и ищущих спасения москвичей. Но эти "патриархальность", "хозяйственность", этот "сельский колорит" вели мысль прихожан по совершенно другому направлению и отвлекали от этого *главного* их силы.

И, как я уже сказал - картина, характерная для прежнего, уже ушедшего периода нашей церковной жизни: опытный батюшка, который единолично руководит приходом - и небольшой круг надёжных, ответственных людей, которые отвечают за отдельные направления приходской жизни. Между этими направлениями не было никакой связи, они существовали совершенно отдельно. Невозможно было, например, пребывая в братстве, приобщиться к вопросам воспитания девочек-сирот. В приходе делалось много полезного - но всё это не носило характер *общего дела*. Были отдельные направления, отдельные

ответственные за них люди, и на них здесь всё держалось - остальные же ходили сюда "на лечение", как больные, они не участвовали в создании этой целительной обстановки, а просто ею "пользовались".

Так существовал этот необычный деревенский приход. Я далёк от мысли в чём-то "осуждать" эту обстановку, специально разыскивать её недостатки - а просто стараюсь увидеть её как можно более трезво и ясно, и что-то по мере моих слабых сил понять. На мой взгляд, здесь осуществилась некоторая предыдущая "модель" нашей церковной жизни, характерная для советского, и даже для дореволюционного времени. Эта сосредоточенность всей жизни прихода вокруг храма и богослужения, это особое значение его территории, эти черты церковного прихода как "поместья", и одновременно - как "больницы", в которой единолично распоряжается заботливый и мудрый "батюшка", эта разрозненность приходской жизни, отсутствие в ней единства, распад её на отдельные сферы, каждая из которых находится в полном ведении специально подобранного сотрудника... Всё это, пожалуй, уже не так характерно для нашей современной церковной жизни. Наше время решительно выдвинуло на первый план вопросы внутренней жизни каждого отдельного человека, прихода прежде неверующих людей к вере, их объединения в общины, и вопросы жизни таких общин, полноты и глубины этой жизни, их способности наставлять приходящих к вере людей, создавать прочные духовные единства, существующие даже не столько вокруг храма, сколько непосредственно в общественной жизни. Благословен в наше время бедный храм, вовсе не имеющий территории и налаженного хозяйства, но живущий глубокой духовной жизнью, приводящий людей к вере, создающий прочное духовное единство имеющих ясные и трезвые духовные понятия людей! Благословенны и духовные единства верующих людей, вовсе не связанные с какими-то конкретными храмами, но осуществляющие церковную деятельность на основе этих ясных и трезвых духовных понятий!.. Так наше время внесло в эти привычные картины церковной жизни существенные коррективы. Но здесь, в этом приходе осуществился, я бы сказал, другой, ещё прежний порядок. Возникнув "на волне" нашего церковного возрождения, объединив в себе многих прогрессивных, равнодушных, культурных, деятельных людей, он, тем не менее, осуществил в себе картину церковной жизни уже прошедшей эпохи, нашего уже уходящего церковного прошлого.

С этим, видимо, и были связаны проблемы, возникшие в братстве. Приход не существовал как единое "общее дело". В нём был круг

образованных, культурных людей, на которых здесь всё держалось - и был такой очаг бескультурья, грубости и даже пьянства, какой представляло собой братство. Эти круги почти не взаимодействовали, не соприкасались. Братство и само было внутренне нестабильным, и расшатывало жизнь прихода. Уж не знаю, с чем была связана такая ситуация - с характером ли батюшки, или с какими-то другими, более объективными причинами. Но этим, наверное, и объясняется то, что произошло впоследствии.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РАСПАД

Большие перемены

Проблемы у братства были всегда. Как я уже сказал, периодически эта тихая и респектабельная организация по исправлению пьющих и наркозависимых людей превращалась в притон. Как-то я уехал отсюда на несколько дней - когда же вернулся, то не узнал знакомой обстановки. В корпусе стояла странная тишина. Не было слышно знакомых голосов, никто здесь не работал. Двери многих комнат были распахнуты, там за столами сидели его обитатели, задумчиво глядя в стоящие перед ними большие стаканы. Оказывается, в этот день затопили баню, стоявшую перед корпусом - и члены братства решили устроить себе отдых. Напарившись, они выскакивали из этой бани, и прямо так, завёрнутые в простыни, бежали в свои комнаты, чтобы и там продолжать "расслабляться". Короче, обстановка была вполне разлагающая. На то, чтобы вернуть её в прежнее состояние, чтобы "прийти в норму", ушло несколько дней.

Периодически предпринимались попытки изменить ситуацию и навести в братстве больший порядок. Какой-нибудь энергичный, деятельный человек из членов прихода, проникнувшись интересом и сочувствием к этому делу, начинал строить какие-то планы, вынашивать какие-то реформы с целью сделать всё это предприятие более стройным и упорядоченным. Так, помню одного молодого человека, который предлагал что-то подобное, и для этого даже готов был взять на себя ответственность и поселиться на время в корпусе братства. Это было как раз в то время, когда "настоящие" руководители братства - те бывший заключённый и деревенский хулиган, которых я уже описал, из-за постоянно повторявшихся запоев окончательно потеряли доверие батюшки, и поэтому он начал особенно чутко прислушиваться к таким предложениям.

Молодой человек действительно поселился в корпусе как начальник, взяв для себя самую лучшую комнату. Некоторое время он действительно пытался что-то реформировать. Но реформы, которые он предлагал, почему-то не шли. Идея индивидуальных собеседований с каждым реабилитируемым, которую он пытался провести, почему-то не вызвала особого энтузиазма. Наверное, здешние жильцы не очень-то доверяли новому человеку, пришедшему со стороны. Прежние

руководители, несмотря на некоторую их нетвёрдость, всё-таки пользовались *большим* доверием. Так и получилось, что реформы самоотверженного молодого человека рухнули. Попытавшись что-то сделать один, другой раз, он, наконец, махнул на всё рукой и с позором уехал из корпуса. Прежние руководители братства через некоторое время снова пришли в себя, и, как ни в чём не бывало, вернулись к руководству.

Причины неудач всех подобных людей, как говорится, лежали на поверхности. Здесь никто ничего не мог сделать один. Должна была быть слаженная *система* работы с зависимыми, в которой участвовало бы много людей. Ведь в таких организациях обычно бывает целый ряд сотрудников: психолог, нарколог, социальный работник, те, кто следят за порядком - и это должны быть именно люди трезвые, которые сознательно ставят перед собой цель реабилитации зависимых людей. Должны были быть и люди, которые проводят всё своё время в братстве, и те, которые приходят в него со стороны. Это могло бы быть делом наиболее серьёзных и ответственных членов прихода. Это стало бы для них замечательной школой жизни. Чем больше было бы здесь таких людей, тем лучше. Именно таким образом можно было чего-то достигнуть.

Но в действительности осуществился другой вариант. Я сказал уже, что братство возникло из спонтанного, бессознательного порыва заботы об обездоленных людях. Это была личная инициатива батюшки, потребность его широкой, открытой души. Впоследствии, когда задачи строительства храма были решены, жизнь братства должна была войти в новый этап, на первый план в ней должны были выйти задачи реабилитации, оно должно было превратиться в ту стройную организацию, которую я только что попытался здесь описать. Но, как я уже сказал, в приходе были вообще проблемы со стройной, слаженной деятельностью. Он не напоминал собой общину сплочённых, занятых общим делом людей, в которой каждый выполняет своё, пусть небольшое дело. Батюшка по-прежнему оставался единоличным руководителем всего, духовным наставником и "врачом" всех приходящих сюда людей. Он, конечно, набирал себе помощников - особенно надёжных и ответственных людей - но таких людей, как уже было сказано, было совсем немного. При этом батюшка всегда искал человека, на которого можно было полностью положиться, которому можно было доверить дело, и больше в него не вмешиваться.

Братство, в каком-то смысле, выпадало из этой системы. Оно представляло собой некую "вольницу", в которой очень трудно было найти надёжных людей. По существу, батюшка, создавший его некогда по собственной инициативе, и был его единственным и бессменным руководителем. Все остальные ненадёжные, многочисленные и часто сменявшиеся "руководители" были для него всё теми же "больными". При этой сложившейся с самого начала существования прихода системе проблемы братства, по существу, не имели решения. Руководители из более-менее надёжных членов братства назначались, они старались выполнять свои функции - но из этого почти никогда ничего хорошего не выходило. При этом батюшка сам постепенно старел, слабел, уже не мог уделять этом делу столько времени - и в результате это столь непростое дело, вобравшее в себя труд столь многих людей, становилось всё более непрочным и ненадёжным.

Один неожиданный случай вдруг сразу многое разрешил. Как-то я снова несколько дней провёл в Москве, и приехал в корпус после довольно большого перерыва. Подходя к корпусу, я вдруг увидел, что все братья находятся во дворе и тащат куда-то какие-то вещи. На мой вопрос, что происходит, один из братьев, тащивший через двор тяжёлый диван, неохотно буркнул:

- Переезжаем в другой корпус.

Вот что выяснилось. В моё отсутствие в братстве произошёл очередной срыв. Батюшка и та самая добрая женщина, на деньги которой когда-то был построен корпус, решили сами прийти и навести здесь порядок. Но обитатели корпуса, уже ощутившие вкус вольной жизни и отсутствия всякого руководства, распорядились по-своему. Когда батюшка и его помощница подошли к корпусу, они оказались перед наглухо закрытой изнутри дверью! Уж этого-то никак нельзя было потерпеть! Это означало поставить под сомнение столь важную для жизни любого церковного прихода вещь, как единоличную власть и руководство священника! Когда, наконец, удалось открыть дверь, батюшка и его помощница вихрем ворвались в корпус и спешно принялись "разгонять" собственное братство. Те из его обитателей, у кого была не столь сложная жизненная ситуация, кому было куда податься, были срочно отправлены домой. Остальных же, кому действительно было некуда деваться, решено было переселить в другое здание. Это был одноэтажный деревянный корпус, в котором братство ютилось ещё прежде, до построения большого каменного корпуса. Он был гораздо меньше, и, кроме того, в нём, как говорили, водились клопы

и тараканы. Вот туда-то, к клопам и тараканам, и были отправлены оставшиеся обитатели прежнего большого комфортабельного корпуса! Расчёт был, видимо, на то, что, лишённые прежнего комфорта и удобств, в столь близком соседстве домашних насекомых, люди сами не выдержат, и сами разбегутся из этого корпуса! Но не тут-то было! Смиренно, с поникшей головой принявшие полагавшееся наказание, как принимают наказание расшалившиеся ученики, не пустившие в класс учителя, оставшиеся члены братства поселились в этом новом корпусе, и преспокойно продолжали там существовать! Так, в этом "урезанном" виде братство просуществовало ещё два или два с половиной года. Этот период его жизни я и хочу теперь описать. Но не нужно обманываться и тешить себя напрасными надеждами - дни его, или, по крайней мере, месяцы и годы были уже сочтены!

Последние годы

Чем же запомнились мне эти, последние годы? Видимо, какой-то большей теплотой, уютом, "домашностью" обстановки. В братстве осталось теперь совсем немного людей. У них были, конечно, проблемы - но здесь, в этой спокойной, размеренной обстановке, где от людей требовалось только соблюдение заданного распорядка, этих проблем как бы и не было. В маленькой трапезной собиралось теперь около 10 человек. Большинство обитателей корпуса жили теперь в отдельных комнатах. Но была и большая общая комната, куда принимали обычно новых членов братства (да-да, они по-прежнему продолжали появляться!), и где обычно и происходило всё самое интересное.

Да-да, прошло некоторое время, батюшка немного успокоился, оттаял - и, как ни странно, снова начал принимать новых людей! Видимо, он никак не мог отказаться от роли "доброго доктора", хозяина больницы, который принимает на излечение некоторых особенно нуждавшихся в этом людей - правда, теперь эта его деятельность заметно сократилась. Новые люди появлялись не так часто, уходили не так скоро - так что теперь, в этом небольшом коллективе такой человек был полностью "на виду", к нему можно было присмотреться, привыкнуть - и, наверное, поэтому такой человек со временем становился как-то особенно близок. Некоторых из таких людей, которых я встретил здесь уже в эти, последние годы, я и хочу теперь описать.

Так, однажды прямо во дворе батюшка подозвал меня, и сказал, что к нам приехал "замечательный человек", и чтобы я сразу же отвёл

его в корпус и показал ему комнату. Лицо батюшки так и сияло, глаза лучились радостью. Скоро из приходского дома вышел живой невысокий человек, мы с ним пошли в корпус, и я показал ему небольшую комнату рядом с моей. Приезжий действительно оказался человеком необычным. Он приехал с Украины (это было примерно в 2010 году, т.е. ещё до конфликта), и, как и многие представители этой нации, был смекалистый, деятельный, с живым и быстрым умом, и к тому же замечательный мастер. Батюшка не случайно так обрадовался - у него на таких людей было буквально "чутьё", он сразу узнавал в них "своих" и раскрывал им свои объятия. Новый жилец оказался ценным человеком в приходе - прекрасный строитель, он сразу же начал то ли строить, то ли облицовывать батюшке какое-то помещение.

Но в остальном всё было довольно печально. Не случайно он появился в нашем приходе неизвестно откуда, совершенно одинокий, в поисках жилья и приюта. С детства одарённый, талантливый, понимающий свою одарённость, он почему-то никак не мог себя реализовать. За плечами была неудачная женитьба, отъезд с родины, неизвестные нам скитания, приезд сюда, в многолюдную и неприветливую Москву. Не знаю, как он оказался в окрестностях нашего храма. Сначала он оказался в соседнем селе, и постучался в тамошний храм - но там его принять не смогли, и посоветовали ему обратиться в наше братство. В храм он обратился не потому, что был особенно верующий, а, видимо, потому, что у него с детства остались от Церкви добрые воспоминания, и он теперь, в последней надежде, решил искать помощи у неё. Так он оказался у нас.

Здесь он, как я уже сказал, довольно быстро освоился. Батюшка выделил ему отдельную комнату - но находящуюся в самом дальнем конце корпуса, с маленьким и тусклым окошком. Он, в соответствии со своими навыками и умениями, начал увлечённо работать. Но с этим и оказалась связана проблема. Прежние, давние члены братства его вскоре невзлюбили. Есть какой-то странный закон, что мы не любим тех людей, которые в чём-то превосходят нас. Он был настолько сообразителен и талантлив, что превосходил в этом всех других членов братства. Вокруг него стала складываться атмосфера зависти и неприязни. За трапезой некоторые братья, уязвлённые его одарённостью, старались его чем-то поддеть и уколоть. Имея от природы чуткую душу, стараясь видеть в людях только доброе, он очень из-за этого переживал.

Мы с ним довольно часто собирались вместе в комнате и беседовали. В его словах часто звучала тоска и разочарованность своей, как он считал, неудачно сложившейся жизнью. Он никак не мог понять, как получилось так, что он, "второй Эйнштейн" (привожу здесь его собственные слова) потерял в жизни всякие опоры и теперь скитается по стране, как обыкновенный бездомный. В его голосе часто звучало глубокое уныние. Он частенько говорил, что хотел бы уехать из страны. Я тогда ещё не понимал, что это могло значить.

Его пребывание в братстве окончилось странно и неожиданно. Здесь я должен сказать, как я теперь отношусь к главной цели братства - именно, к его алкогольно-наркотической стороне. На мой взгляд (и многие современные люди так считают), никого невозможно и не нужно специально "отучать" от этих бессознательных привычек - пьянства, курения, употребления наркотиков. По крайней мере, вовсе не задача Церкви — это делать. Задача Церкви - проповедовать Христа, собирать и объединять людей на основе этой веры. Под действием этой веры в человеке сами происходят внутренние изменения - в том числе и избавление от некоторых прежних недостойных привычек. Идея о том, что можно с помощью веры "отучать" человека от пьянства и наркомании - это в нашей современной церковной жизни некоторое недоразумение. За этим стоит некоторая горделивая уверенность в том, что мы можем с помощью веры сделать с другим человеком то, что сами хотим. Мы должны только проповедовать Христа, приводить к вере тех людей, которые сами могут откликнуться - а остальные результаты в их жизни этой веры предоставить Богу.

Но в нашей Церкви, тем не менее, получила распространение эта идея - отучения людей от пьянства и наркомании, их реабилитация с помощью веры в Бога. Связано это, мне кажется, со страшной бедой нашего народа, с его действительной склонностью к этим привычкам, или зависимостям. Поэтому даже Церковь вынуждена на это откликаться, и заботиться о том, чтобы не было хотя бы этой беды - где уж тут до высокой и чистой проповеди!..

Что же касается этого прихода, то здесь задача реабилитации пьющих и наркозависимых людей возникла чисто практически. Люди работали на стройке храма - и чрезвычайно важно было, чтобы на территории храма ничего подобного не было. Это была мера вынужденная, связанная с совместным проживанием. Люди, живущие дома, могут иметь какие-то тайные грехи, и никого это не касается - но, когда они собираются в Церкви, ничего подобного, конечно, не должно

быть. Это было необходимое условие существования храма, прихода, и то, что это условие было так твёрдо поставлено, свидетельствует о том, что опасность и проблема действительно были.

Из-за этого-то в этом приходе так чутко и болезненно относились к любым проявлениям пьянства. Не так было важно, чем интересуется человек, что он читает, как складываются его отношения с людьми, его духовная жизнь - важно было просто то, чтобы он не пил. Если кто-то немного выпивал, и батюшка узнавал об этом, то следовали немедленные санкции - руководители братства отстранялись от управления, а рядовые члены попросту выселялись. Но, конечно, уследить за всем было невозможно, и потому это постоянно то здесь, то там происходило - а иногда в это оказывалось вовлечено даже довольно много людей. Происходило это потому, что при данном устройстве братства - совместном проживании и работах, которыми единолично руководил батюшка - решить данную проблему было невозможно. Решить это могла только слаженная, чёткая организация, которая вовлекла бы многих ответственных членов прихода.

Как бы то ни было, но эта тема - малейших проявлений пьянства - была в приходе очень болезненной, особенно когда дело касалось надёжных, ответственных работников. Вот "жертвой" этого и пал мой новый знакомый. Живя в бедных, неуютных условиях, окружённый недоброжелательными и завидующими братьями, видя их собственные тайные приключения со спиртным, он мало по малу начал тосковать, и, в конце концов, сам пару раз приложился к бутылке. Это заметил батюшка. Последовало внушение, с угрозой возможного выселения. Мой знакомый, видимо, стал нервничать, почувствовал себя ещё более неловко и неуверенно - и, видимо, из-за этого приложился ещё. Вполне возможно, что в этих трудных условиях эта бессознательная страсть действительно на какое-то время им овладела. Я, как обычно, на несколько дней уехал в Москву - а когда вернулся, его уже не было в корпусе.

Мы с ним, однако, ещё некоторое время перезванивались и встречались. Помню, в Москве я несколько раз виделся с ним, мы с ним вместе размышляли и пытались как-то найти выход из создавшейся ситуации. Он к тому времени уже жил на улице, ночевал в каких-то гаражах или в сараях. Всё чаще он с какой-то болезненной и странной улыбкой говорил мне, что собирается скоро "уехать в Америку". Я по-прежнему ничего не понимал. Лишь впоследствии, сообразив все эти впечатления, я вспомнил известного литературного героя

Свидригайлова, который в не менее известном романе постоянно использовал подобные же слова "про Америку" в совершенно определённом смысле - т.е. в том, что он собирается отправиться к праотцам. Думаю, что и мой знакомый, несомненно, знакомый с русской классикой, использовал эти слова совершенно в том же смысле. Я к тому времени, честно говоря, уже начал что-то понимать - но никак не мог найти нужных слов, чтобы его успокоить и разубедить.

В конце концов, он окончательно исчез из моей жизни. Где он теперь?... Дорогие читатели этих страниц, если они попадутся вам в руки - может быть, вы знаете о судьбе этого человека!.. Я здесь описал некоторые детали, по которым вполне можно его узнать. Его звали Павел, Павел К. Ему было тогда лет 40. Я очень хочу надеяться, что он изменил всё-таки своё решение и не уехал тогда "в Америку". Главное, что мы говорили с ним иногда о вере, и он с большим интересом к этому относился.

////////////////

Вот ещё один человек, которого я там встретил в эти, последние годы. Как-то зимой в нашем корпусе появился совсем молодой человек. Он тоже был очень сообразительный, с ясным, оригинальным умом. Попал он сюда, как оказалось, из-за проблем с наркотиками. У него там, у себя, в соседнем небольшом городке была молодая компания, которая их употребляла и занималась их распространением. Ума не приложу, что побуждало его, такого живого, талантливого, оригинального, к такому странному занятию!

Здесь, у нас он действительно на какое-то время пришёл в себя. Спокойный, размеренный распорядок, работы на свежем воздухе (он вместе со всеми чистил снег), а главное, новая обстановка благотворно на него подействовали. Он как-то признался мне, что сознавал свою проблему и специально искал такой обстановки, в которой он сможет полностью сменить свои жизненные впечатления. Пробыв в корпусе несколько недель, он снова вернулся домой. И вот, вдруг, через некоторое время до нас доходит известие, что там, у себя дома он вновь принялся за старое - и на этот раз его поймали и посадили. Мы были потрясены. Начались обсуждения того, как его спасти, поиски адвокатов - но, в сущности, всё было бесполезно. Таких возможностей ни у кого из нас, на самом деле, не было, мы только зря потратили время - его же действительно через некоторое время судили и отправили на несколько лет куда-то далеко-далеко.

Этот случай выявляет одну серьёзную проблему. Дело в том, "реабилитация" в братстве, быть может, далеко не всегда бывала результативной и действенной. Человек "держался", пока он находился здесь, в этой особой, искусственно созданной обстановке - да и то, как мы видим, далеко не всегда. Что же будет с ним, когда он вернётся в свою обычную обстановку - об этом вообще никто не мог ничего сказать. К сожалению, часто осуществлялся далеко не лучший вариант. Отдохнув некоторое время в спокойной обстановке, набравшись сил на свежем воздухе, человек потом, вернувшись домой, предавался той же страсти в утроенном размере. Так, возможно, бывает с городским молодым человеком, который, проведя несколько дней в походе, где он вёл здоровый образ жизни и смотрел только на деревья, облака и на звёзды, теперь, вернувшись домой, будет, наоборот, целыми сутками просиживать в интернете. Так же и у нас со многими бывало. Для того чтобы реабилитация прошла успешно, нужна собственная серьёзная внутренняя работа человека, собственные его усилия - и эти усилия лучше совершать дома, в привычной для него обстановке. Одного лишь проживания в уютной спокойной обстановке и физических работ на свежем воздухе для этой цели недостаточно.

Итак, реабилитация молодого человека не удалась. Он попался в руки закона и на несколько лет "загремел" в колонию. Я сказал уже, как потрясло нас это известие - но, в сущности, для чего здесь было восклицать и всплёскивать руками!.. Такие люди обычно сами знают, на что идут, и что им может грозить. Это была его судьба, тот путь, который ему надо было пройти...

Мне теперь вдруг неожиданно пришла мысль - ведь те несколько лет уже прошли, и срок его заключения наверняка закончился! Если этот молодой человек остался жив, то он наверняка уже вернулся. Каким он вернулся?.. Что ему пришлось там пережить?.. Конечно, я рад был бы с ним встретиться - хотя, учитывая то, как сложилась его и моя судьба, совершенно неясно, что выйдет из этой встречи, и хотя я, в теперешнем моём состоянии, совершенно не смогу ему чем-то помочь!..

И последний человек, которого я хотел бы здесь описать - не потому, что он был мне чем-то особенно близок, а потому, что за его личностью и судьбой тоже, как мне кажется, стоит некоторая проблема. Я встречал его здесь ещё в первые, благополучные годы - но и потом, когда для братства наступили "тяжёлые времена", он снова надолго приехал сюда. Это был пожилой, внушительный человек. Несомненно, он вызывал к себе уважение - помню, ещё в первом корпусе, в большой

общей комнате братья часто собирались вокруг него, и он им что-то рассказывал. О его прошлом мне совершенно ничего не известно. Здесь, в этом приходе, он оказался одним из "ответственных" людей - заведовал небольшой мастерской, в которой изготавливали детские игрушки. Таким образом, он имел своё особое помещение, в котором мог, занимаясь своим ремеслом, спокойно находиться часами. Вроде бы, жизнь его в этом приходе складывалась неплохо.

Тем не менее, как оказалось, далеко не всё было в порядке. Этот человек был явно чем-то не удовлетворён, душа у него была "не на месте". В какой-то момент вдруг начал грубо разговаривать с братьями, в том числе и со мной. Можно было догадаться, что он время от времени выпивает. Видимо, с ним в конце концов случилось то же, что и с другими подобными людьми. Видимо, этот вопрос обсуждали, делали ему предупреждения - и, в конце концов, удалили из прихода. В последние месяцы моего пребывания в братстве я его уже там больше не встречал.

Мне кажется (хотя, может быть, это кому-то покажется странным, или неприятным), что в его судьбе сказалась одна особенность жизни братства, и вообще этого прихода - *отсутствие перспективы*. Человек мог жить здесь, чем-то заниматься, но неизбежно рано или поздно вставал вопрос - а что же дальше?.. И, если трезво и непредвзято взглянуть, то дальше ничего не было. Я сказал уже, что этот приход был в каком-то смысле чрезвычайно замкнут. Он существовал как небольшое поместье, в котором, в принципе, было всё, что нужно для жизни. Человек, попадая сюда, мог оставаться здесь, и ему, в принципе, не нужно было знать, чем живёт окружающий мир. Я сказал уже, что этот приход также напоминал больницу. Особенность больницы также в том, что она представляет собой как бы замкнутый мир. Вас здесь гостеприимно ждут, но, оказавшись здесь, вы как бы уходите, исчезаете из этого реального мира. Никто не хотел бы постоянно жить в больнице. Оказаться в ней надолго, тем более навсегда - это значит то, что жизнь, по существу, закончилась.

Так существовал этот необычный приход. Своим гостеприимством, и одновременно некоторой "замкнутостью" он напоминал одновременно больницу и небольшое поместье. Всё в нём тяготело к тому, чтобы замкнуться, "уйти" от мира в размеренный распорядок сельской жизни, и одновременно - в некоторую молитвенную созерцательность. И это действительно оказывало некоторое целительное воздействие на людей, но лишь отчасти. Ведь

современному человеку, особенно в столь близких окрестностях Москвы, в действительности нужно другое. Ему нужна возможность реализовать себя, социальные связи, знакомые, какое-то реальное полезное дело. Верующему человеку нужна возможность общаться с другими верующими людьми, участвовать в современной церковной жизни, служить Церкви в соответствии с теми понятиями и представлениями, которые складываются здесь и сейчас, в наше теперешнее время. Жизнь прихода должна была строиться на прочных связях с окружающей церковной жизнью, в первую очередь церковной жизнью Москвы. Как замкнутое поместье, живущее своей собственной деловой и духовной жизнью, он просто полноценно не мог существовать.

Я думаю, эта особенность прихода сказывалась и на некоторых членах братства, в том числе и на том пожилом человеке, которого я только что описал. Оказавшись здесь, такие люди оказывались как бы в "тупике". Здесь было всё, здесь можно было существовать - но, оказывается, не только этого ищет человеческая душа. И некоторые люди тосковали, они не чувствовали жизненной перспективы, не видели, куда дальше идти. Быть может, они не понимали, что с ними происходит, и как-то бессознательно "срывались". Я не нарколог, мне не знаком механизм подобных явлений. Но саму эту атмосферу размеренной сельской жизни, которая "никуда не ведёт", я ощутил - и думаю, что в этом я во многом прав.

Меня, собственно, не столько интересует этот пожилой человек, с которым я почти и не был знаком, сколько само устройство приходской жизни, сама обстановка в приходе. У нас в настоящее время получила распространение определённая "модель" приходской жизни - церковного прихода как "поместья", которым единолично распоряжается добрый, заботливый священник. Конечно, это имеет некоторые основания в сельской местности, где сама обстановка подталкивает именно к такому решению вопроса. В этой обстановке церковный приход как-то естественно складывается как расположенное вокруг храма хозяйство. К этому подталкивали и обстоятельства, в которых проходило наше церковное возрождение - то, что во многих сёлах сохранились разрушенные храмы, и, казалось бы, нужно их только восстановить, возродить прежде существовавшую там жизнь - и всё будет в порядке. Но эти храмы были всего лишь следами прежней культуры, безвозвратно ушедшей в прошлое - и для того, чтобы по-настоящему возродить церковную жизнь, надо было взглянуть на всё

по-новому, искать новых путей...

Это во многом и осуществилось в годы нашего церковного возрождения. На очереди встали совершенно новые задачи, связанные, прежде всего, с проповедью, с церковным наставлением прежде совершенно далёких от веры людей. Те, кто в какой-то степени осуществили эту задачу, в действительности, и совершили возрождение нашей церковной жизни. Но наряду с этим существовала и прежняя картина - эти разрушенные храмы, которые стояли в деревнях, да и в городах, которые бросалась в глаза и вели мысль по совершенно ложному пути - что нужно их только восстановить, устроить в них всё, как было прежде - и всё у нас будет хорошо, и все проблемы будут решены.

Особенно к странным результатам это приводило в городах. Когда у нас в городах стали открываться первые восстановленные храмы, невольно вставал вопрос - как же налаживать их жизнь, что же взять за образец?.. И вот, многие священники, да и миряне невольно, как-то бессознательно брали за такой образец... знакомые им прежде сельские храмы!.. Ведь в советское время вера, храм, богослужение гораздо лучше могли сохраниться именно в сельской местности. В городах, как говорится, всё было "под контролем", а здесь - можно было и открыть храм, и направить туда священника... Так и получилось, что вера у нас в это непростое время, во многом, сохранилась именно в провинции, в сельской местности. Многие городские верующие люди под влиянием необходимости в то время приспособились ездить в такие места - и вот теперь, когда дело дошло до возрождения городских храмов, они невольно хотели в них видеть ту же обстановку, невольно хотели, чтобы всё в этих новых городских храмах было "так же, как там".

Я, кажется, уже пробовал описать такой храм. Всё в нём, вроде бы, на месте - и деревянные лавки, сделанные приходским мастером, и мёд с собственной сельской пасеки, и чай из сельских лечебных трав... Только одного не хватает - интереса к реальным проблемам городской жизни, к реальным современным городским людям, для просвещения и спасения которых, собственно, этот храм и стоит. К таким печальным результатам местами и временами приводит некоторый "сельский" колорит нашей церковной жизни.

Впрочем, я отвлёкся, и поднял здесь непростые вопросы. Я, конечно, далёк от мысли во всём этом до конца разобраться и все эти вопросы решить. Одно лишь хочу отметить - что в наше время уже неестественна и неорганична картина приходской жизни как "поместья", в котором на отгороженной от остального мира территории

налаживается своя особая, замкнутая и отгороженная от окружающего мира жизнь. Центры церковной жизни совершенно явно и несомненно переместились из сельской местности в города. И в городских условиях складывается своя, совершенно особая картина приходской жизни - как жизни церковной общины, существующей непосредственно в условиях города, "пронизывающей" собой всю окружающую общественную жизнь, и не нуждающейся, на самом деле, в какой-то особой территории, где бы эта жизнь реализовывалась и на которой бы складывается свой особый, отличный от окружающей жизни распорядок, уклад. Вот на такие мысли навел меня этот необычный сельский приход.

Сектант

Но возвращаясь к моим прежним впечатлениям. Как-то вечером, зайдя в храм, я вдруг заметил в нём нового человека. Он чем-то сразу безотчётно меня заинтересовал. Высокий, статный, с ясным лицом, он напомнил мне членов лучших приходских общин, которых я прежде встречал в Москве. Он хорошо пел и читал на клиросе. По всему было видно, что в нашем храме появился новый яркий и интересный человек.

После службы я хотел к нему подойти - но неожиданно он сам подошёл ко мне. Мы с ним вышли из храма, сели на лавочку и разговорились. Тут-то мне и пришлось по-настоящему удивиться. Я услышал такой рассказ, которого никогда бы, наверное, не ожидал услышать в православном храме.

Он мне сразу же, с первого слова сказал, что он вовсе не православный. Почему он прямо при первом знакомстве, сразу решил об этом меня известить? Наверное, для того, чтобы впоследствии не было недоразумений, а также в связи с тем, каким образом и с какой целью он оказался при этом храме.

Итак, он был членом одной из сект – и до этого прошёл достаточно длинный и запутанный духовный путь. Вот что он мне рассказал. Пришёл он к вере ещё в детстве - ему было тогда 13 лет. К нему на улице подошёл один баптист, и спросил его, хочет ли он больше знать о Боге. Интересно, что мальчик сразу же, ещё почти ничего не зная об этих вопросах, не задумываясь, ответил "да". Так, фактически ещё в детстве он начал ходить к баптистам. Но долго он там не задержался, и потом попал в какую-то другую организацию - кажется, к пятидесятникам. Так началась эта вереница конфессий и сект, в которых он, несмотря на свою молодость, уже успел побывать. Это были и адвентисты, и свидетели

Иеговы, и мормоны, и не знаю, кто ещё. Всего он "перепробовал" за свою недолгую жизнь 7 или 8 подобных обществ. В конце концов, он попал в секту одного китайского проповедника, довольно интересную, о которой я ещё скажу. Так необычно, совершенно невероятным для меня образом складывалась его жизнь.

Но как же он попал в наш храм? Это тоже была очень необычная история. Вообще-то он был из другого города, и в Москву приехал по делам своей секты. Но, видимо, это были не очень ответственные дела, и он имел достаточно возможностей здесь отдохнуть и гулять. Так и в этот день он зачем-то решил выехать за город. Была ранняя осень, ясный солнечный день. Он оказался в окрестностях нашего села, и решил просто полежать в траве в поле. Здесь его и нашли работники храма, шедшие по какому-то делу. Молодой человек показался им чем-то интересен, и они решили пригласить его в храм. О его иноконфессиональном происхождении они, конечно, ничего не знали - а просто рассматривали его как хорошего работника. Здесь он был представлен батюшке, и, как ни странно, принят на работу в наш храм. Знал ли батюшка о его прежних похождениях - для меня загадка. Во всяком случае, молодой человек перед своим поступлением на работу в храм выразил желание креститься. Это само по себе интересно - таким образом он привык ознаменовывать своё приобщение к любой новой конфессии. Любой знающий человек здесь только за голову схватится - известно ведь, что большинство конфессий, и даже сект признают, что в жизни нужно креститься только один раз. Тем не менее, батюшка счёл возможным его крестить - видимо, в силу этого особого случая, как знак его присоединения к Православию. Но было ли у него в действительности желание присоединиться к Православию? Это до сих пор составляет для меня некоторый вопрос. Не было ли это для него просто очередной "пробой", в ряду того множества конфессий, которые он уже посетил?.. Собирался ли он действительно порывать со своей прежней сектой, и целиком посвятить все свои силы Православию?.. Дальнейшие события показали, что нет. Не было ли для него это устройство на работу в православный храм просто средством временно решить проблемы с жильём и работой, не "использовал" ли он в данном случае Православную Церковь в каких-то своих, неизвестных нам целях?.. Во всяком случае, с этим его устройством на работу мне до сих пор не всё ясно. Я замечал, что и батюшка относится к нему с некоторой осторожностью, как бы наблюдает его и проверяет. Короче, ситуация была странная и непонятная.

Возможно, из-за этого он и был поначалу отправлен работать на конюшню. Там, в дальнем конце двора он, по крайней мере, не мог причинить никому особого вреда. В это время я с ним и познакомился. Признаться, я не утерпел, и выразил батюшке недоумение, почему такой человек принят на работу в храм. Но у батюшки, видимо, были свои соображения. Работник он действительно был хороший, и батюшка дал мне понять, что он не возражает, если я буду встречаться и беседовать с этим молодым человеком. Так началось наше общение.

Мы с ним не раз встречались у него на конюшне и беседовали о самых разных вопросах. Это оказался очень честный, ответственный человек с очень ясным и трезвым умом. Он мне рассказал много интересного о тех религиозных сообществах, в которых он прежде побывал. Судя по его рассказам, все эти общества были в каком-то смысле похожи. Они существовали в каком-то смысле как "клубы по интересам», и могли довольно свободно обмениваться между собой своими членами. Было довольно распространено, если человек переходит из одной такой конфессии в другую - и вдобавок уводит за собой какое-то количество её прежних членов. Не знаю, по крайней мере, мне кажется, что он что-то такое рассказывал.

Я же старался преодолеть некоторое его предубеждение по отношению к Православию (у него всё-таки было такое предубеждение - это и вызывало сомнения в искренности его "православного крещения"), показать ему древность, надёжность, глубину Православия. Так, например, у него было обычное для протестантов предубеждение против икон. Я привёл ему тот довод, что иконы - это, по существу, "культурная оболочка" веры, что ведь используют и другие конфессии какие-то изображения - но только иконы несравненно выше по духовному содержанию и качеству. Он этот довод неожиданно понял. Я думаю, что наши беседы если и не преодолели в нём полностью предубеждения по отношению к Православию, то, по крайней мере, сделали для него жизнь православной Церкви более близкой и понятной.

Однако в остальном всё было далеко не так удачно. Единственным местом, в котором можно было проживать при храме, было братство - и потому мой знакомый тоже остановился здесь. Он приходил и обедал вместе с нами в нашей небольшой трапезной. В братстве же в это время наметился очередной "срыв". Отдельные комнаты, а то и весь корпус то и дело погружались в пьянство. Братья в таком состоянии падали на пол со своих постелей, валялись прямо на полу в коридоре. Обстановка для

духовной жизни была явно неподходящая.

Молодой человек с удивлением смотрел на эту обстановку "высокого и чистого Православия". Что он мог думать об этом после своей рафинированной секты?.. К счастью, кроме спокойствия и трезвости, о которых я уже сказал, он обладал также изрядной долей юмора. Взглянув на всё это повнимательней, он переименовал наше братство трезвости в "братство борьбы с трезвостью". Но факт оставался фактом - духовно развиваться, совершенствоваться, а тем более получить представление о высоком, подлинном Православии в такой обстановке было практически невозможно.

Одно обстоятельство внесло добавочный вклад в эту обстановку. В братство неожиданно вернулся один из его прежних руководителей - тот самый непутёвый, но искренний деревенский хулиган, о котором я уже не раз здесь писал. Прежде он был изгнан из братства за пьянство, во время одного из срывов, когда батюшка всё-таки не выдержал и уже не имел сил терпеть. Некоторое время он проскитался где-то в поисках жилья и работы - но, видимо, ничего не нашёл, и пришёл проситься обратно. Батюшка, посчитав, что он уже получил хороший урок, пошёл ему навстречу. Оказавшись снова в корпусе, этот человек, как я уже сказал, достаточно искренний и всегда желавший добра общему делу, видимо, был потрясён, в какой упадок пришло некогда им любимое и, в каком-то смысле, "выпестованное" им братство. Кроме того, он, вероятно, понял, что потерял былой авторитет, и уже не может по-настоящему ни на что повлиять. Так или иначе, но он скоро сорвался и снова запил. Вслед за ним, теперь уже абсолютно бесконтрольно, запили и все остальные члены братства. В корпусе окончательно наступил полный бедлам. Никакая серьёзная духовная жизнь для иноконфессионального молодого человека, действительно глубоко интересующегося вопросами веры, стала невозможна.

Кроме того, и он сам стал раздражать нового "начальника". Как и все неудачники, наш непутёвый брат с болезненной ревностью относился к тем, кто был удачливей его. Этот высокий статный молодой человек, работающий, талантливый, абсолютно непьющий, оказавшийся теперь, по прошествии некоторого времени, на хорошем счету у батюшки, конечно же, невольно воспринимался им как конкурент. Он стал распространять о нём сплетни, строить ему пакости, всячески старался сделать его жизнь в корпусе тяжёлой и невыносимой. И это при том, что он не знал главного - иноконфессионального происхождения своего "конкурента".

Кончилось тем, что молодой человек не выдержал, и решил перебраться из корпуса братства и искать себе нового жилья. Обладая хорошими руками и сноровкой, он нашёл себе работу здесь же недалеко, в селе. Здесь ему выделили небольшой вагончик-бытовку, и он, теперь уже совершенно независимый от братства, продолжал работать на стройке большого дома. Но мы с ним, уже познакомившись, продолжали поддерживать некоторую связь. В этот период, я помню, он всерьёз увлёкся книгами православных авторов. Его любимым писателем стал Игнатий Брянчанинов, с которым он, правда, первый раз познакомился ещё до прихода в наш храм. Особенно его интересовала тема "обожения" - это была именно та тема, из-за которой он проявлял особенный интерес к православной Церкви. Таким образом, несмотря на неблагоприятные условия, он всё-таки старался, насколько возможно, вести внимательную и серьёзную духовную жизнь. Но на территорию храма - ни в братство, ни даже в сам храм - он больше не заходил.

Так прошло несколько недель. Наступила весна. Надо сказать, что вся эта история, включая его поступление в храм и проживание в братстве, заняла не меньше полгода. Он появился у нас где-то в октябре, и исчез где-то в середине апреля. При этом насколько я понимаю, он вовсе и не думал прерывать своего общения с сектой. Время от времени он ездил в Москву, с кем-то там общался... У него оказывается, там в Москве были серьёзные планы... Но так получилось, что эти планы, с которыми он связывал надежды на устройство своей будущей жизни, не осуществились. С этим и был связан конец его пребывания при нашем храме.

Как-то весной, ближе к вечеру я зашёл к нему. Он был почему-то грустен и задумчив. Двор, в котором он работал, находился на самом краю села, и мы с ним решили прогуляться по весенним полям. Ещё не подсохшая просёлочная дорога вилась среди поля, впереди над селом большой белой громадой в сумерках поднимался наш храм. Я, быть может, наивно, но одушевлённо развивал перед ним ту мысль, что вот, и извилистая дорога его жизни провела его через столько конфессий и сект - чтобы, наконец, привести его к православному храму. Но он не слушал меня. Наконец, в перерыве моих слов, глядя в землю, как бы равнодушно, между прочим, он сказал:

- Знаешь, а она мне отказала...

Я прервал нить моих размышлений. Так вот в чём было дело!.. Значит, не удалось его планы устройства своей личной жизни, которые он хотел осуществить в своей же собственной секте!..

Мы некоторое время шли молча. Потом он вдруг стал вспоминать свою юность в какой-то далёкой деревне, какой он тогда был повеса, и как много иногда любил выпить.

- Да, а что ты думаешь, - большими круглыми удивлёнными глазами глядя на меня, говорил он, - я тогда мог выпить целое ведро, даже два ведра!..

Последовал интересный рассказ о его тогдашних деревенских приключениях. Я попробовал заговорить с ним снова об обожении, но он не поддержал эту тему. Скоро он затеял новый разговор - о том, каким, вероятно, крепким человеком был в молодости наш батюшка, и какой образ жизни он мог вести - не случайно же он создал при нашем храме именно братство трезвости!.. Я, честное слово, не знал, что мне и думать. С глубоким удивлением и тревогой я попрощался с ним у калитки его дома.

На следующий день до меня дошло известие, что моего знакомого нашли пьяным. Прошло несколько дней - но он так и не протрезвел. Тут мне снова нужно было на несколько дней уехать в Москву. Когда я вернулся, я не застал его уже в этом селе. Хозяева не смогли этого терпеть, и его выгнали. Он исчез в неизвестном направлении, и больше никогда не появлялся в этом селе. Не знаю - наверное, неудачи в личной жизни были в первую очередь тому виной. Но, думаю, что и обстановка в нашем братстве тоже внесла в это свой вклад.

Мысли по поводу

Это была самая удивительная история, которая произошла со мной в этом храме. Я сейчас совершенно не обсуждаю её личный момент - кто же была эта женщина, и почему она ему отказала. На мой взгляд, эта история и без этого поднимает целый ряд вопросов. И первый вопрос - почему же батюшка всё-таки взял на работу такого человека? На мой взгляд, это вообще отражало одну интересную особенность этого храма. Ещё и прежде мне приходилось встречать на его территории и в его окрестностях протестантов, и вообще представителей других религий и конфессий. Так, ещё в один из моих первых приездов сюда я поступил под руководство тогдашнего руководителя братства (им тогда был совсем другой человек), который неожиданно оказался... баптистом. Он был в своей баптистской организации руководителем подобного братства, и вот теперь каким-то образом оказался здесь, и в трудной ситуации (подобные ситуации я уже не раз здесь описывал), за

неимением другой кандидатуры, взял на себя руководство. Батюшку такие детали почему-то совершенно не смущали. В конце концов, подобные братства трезвости - и у баптистов, и у нас - по-видимому, совершенно одинаковые, и конфессиональный вопрос здесь совершенно не существенен. Но было, видимо, и ещё что-то. Я предполагаю, что в этом приходе была особая установка на "универсальность". Мы обычно считаем, что Православие - высшее из христианских исповеданий, и старательно блюдём "чистоту Православия", оберегая наши храмы от протестантов, баптистов, вообще представителей других христианских конфессий. Но если Православие - действительно высшее из христианских исповеданий, то оно должно неотразимо действовать на любую чуткую и совестливую душу, и тем более на душу, уже выбравшую своим учителем и предводителем Христа. Иными словами, если человек, просто духовно чуткий, или уже сознательно верующий попадёт в обстановку православного храма, то он должен неотразимо почувствовать, что здесь - окончательная Истина, что здесь все его стремления и поиски находят полное своё и окончательное удовлетворение. Видимо, это и было некой подспудной целью этого храма. Он существовал как бы не для православных, а вообще для всех людей. Здесь поблизости можно было встретить не только православных, но и мусульман (приехавших из южных стран на заработки), и вообще неверующих. Храм стоял как бы "посреди мира". Вокруг шла, бурлила реальная современная жизнь - а здесь шли богослужения, создавалась особая молитвенная атмосфера, и те, кто был способен на это откликнуться, вовлекались в эту атмосферу, и тем приобщались к христианской вере, и, конечно же, к православной Церкви. В этом смысле храм, некоторую патриархальность, несовременность, старомодность которого я прежде отметил, был удивительно современен - он был открыт всем, в нём не было различия на "своих" и "чужих".

Однако, эти добрые, современные черты осуществлялись здесь не в полноте. Как я уже сказал, молитвенная жизнь, и весьма глубокая, здесь была - а вот общественной жизни, единения, взаимодействия прихожан, некоторого большого общего дела почти не было. Всё ограничивалось отдельными небольшими делами, которые отдельно, каждый в своей области, делали отдельные, надёжные и ответственные люди. И это, конечно же, ослабляло воздействие на людей атмосферы этого прихода. Так, этот молодой человек, о котором я сейчас пишу, был, наверное, взят сюда в надежде (а, скорее, в уверенности), что

обстановка регулярно совершаемых богослужений, молитвы, налаженного церковного уклада, несомненно, произведёт на него своё действие, что он, каких бы не был он взглядов, почувствует силу и глубину Православия. Но эта же обстановка привела к тому, что он не почувствовал здесь, собственно, *церковной жизни*, как налаженного общения и взаимодействия людей. Он видел только отдельные стороны этой жизни - богослужение, конюшню, странную, часто не вызывающую вдохновения жизнь в братстве - но не увидел, собственно, *Православной Церкви*. Важнейшая сторона церковной жизни - речевое общение на темы веры - здесь почти полностью отсутствовала. Он впоследствии признавался мне, что ему "почти не с кем здесь было поговорить". Важнейшие смысловые вопросы, вопросы различных подходов к христианской вере здесь просто не обсуждались. В результате он да, конечно, ощутил прочность и надёжность этой жизни, глубину традиций - но в целом для своей духовной жизни получил достаточно мало пользы. "Реабилитация" молодого человека (если, конечно, такая цель первоначально ставилась) не удалась. Вся община храма, достаточно сильная в некоторых других отношениях, в этом отношении оказалась несостоятельной. Ведь православная вера в первую очередь распространяется, как ни странно, трезвыми и ясными (или уж какими Бог даст!) разговорами о ней. Именно это создаёт то доверие и взаимопонимание между людьми, на котором и строится церковная жизнь. Никогда православная вера не распространялась просто как богослужение, уклад - это всегда должно было быть ясное, живое *слово* о вере. Богослужение, уклад приходят потом. В том-то и дело, что здесь, несмотря на то, что всё, казалось бы, было так хорошо налажено, не осуществлялась *полнота* церковной жизни - здесь была продемонстрирована несостоятельность того подхода, что "вот, мы достигли определённого духовного уровня - и теперь будем только это поддерживать и сохранять".

Другой вопрос касается самого этого молодого человека, столь глубоко и искренне пришедшего к вере, но не нашедшего Православия, и всю свою жизнь скитавшегося между различными сектами. Но что я могу здесь сказать!.. Для меня это область жизни, с которой я почти не соприкасался!.. Одно могу сказать - что для меня Православная Церковь, с тех как я пришёл к вере и по настоящий день - поистине настоящий дом! Здесь свободно и естественно чувствует себя душа верующего человека, здесь реализуются все его стремления служения Богу и Истине. Отсюда, если человек уже здесь оказался, никуда не хочется

уходить - даже и мысли такой не может возникнуть! Здесь человек, действительно стремящийся к Истине, действительно находит её - и с тех пор уже ничего не ищет, и может свободно развиваться, и искренне служить Богу.

И главное - Сам Бог вкладывает в человека ответственность за этот большой общий дом. И человек не только стремится духовно расти, очищать свою душу - но и осмысливать жизнь этого общего дома, видеть его проблемы, сознавать, какие именно тенденции в его современной жизни наиболее естественны, органичны, уместны. Такую ответственность за наш общий церковный дом Бог вкладывает в душу человека, действительно глубоко и искренно пришедшего к вере, и именно в этом ключе я и стараюсь писать эти страницы.

И вот, именно этого-то своего духовного дома молодой человек и был лишён! Он напоминал бездомного, который ходит от дома к дому, стучится в разные двери, поживёт какое-то место в одном месте, потом идёт в другое... Можем ли мы сказать, что такие люди вовсе не достойны уважения?.. Они могут обладать некоторыми качествами, которые и не снились людям, спокойно и уютно многим года живущим в собственном доме. Но вот этих качеств, которые я описал - любви к своему дому, ответственности за него он не мог иметь! Для него все места, в которых он побывал, были, в общем-то, равноценны. Он мог их сравнивать, считать одни из них лучше, а другие хуже - но, в общем-то, главным для него был он сам, который их сравнивает, между ними ходит... И та секта, к которой он последнее время принадлежал, не была для него родным домом - хотя, по его собственному мнению, он не случайно её выбрал, она была во многом лучше других. И православный храм не стал для него таким домом - скорее всего, он вовсе об этом и не думал, приходя к нам...

И в то же время вера в нём, несомненно, была. Иначе для чего же он всего себя посвящал поиску Истины, для чего же переходил из общества в общество, сравнивал их, для чего же, попав в наш храм, так много читал?.. На фоне не только наших братьев, но и на фоне всех сотрудников храма он выглядел очень неплохо - именно таких людей, как я уже сказал, я привык встречать в лучших православных храмах. Эта встреча убедила меня, что все верующие люди вообще-то в чём-то главным похожи. Есть определённый тип верующего человека, или, лучше сказать, то состояние, в которое искренняя вера приводит верующих людей - и это состояние, в общем-то, не зависит от того, католик ли этот человек, лютеранин, православный, или баптист.

Разница - только во "внутреннем устройстве" конфессии, в её внутреннем укладе, накопленных традициях, духовном опыте, в некоторых "сопутствующих" вере идеях. Если в наш православный храм вдруг придёт лютеранин или баптист, то у нас, фактически, не будет никаких внешних способов его отличить. Лишь некоторое внутреннее состояние, то, что человек не воспринимает это место как родной дом, который он любит и за который отвечает, а смотрит на всё несколько отстранённо, как бы присматривается, позволит нам о чём-то догадаться. Именно это состояние и было свойственно моему знакомому. Но позаботился ли кто-то о том, чтобы храм стал для него "родным домом"?.. Меня не оставляет мысль о том, что при нормальном устройстве приходской жизни, при наличии при храме живой и деятельной общины это всё-таки было бы возможно. Скажут, что он, скорее всего, этого сам не хотел. Но тогда, т.е. при наличии живой и глубокой общинной жизни, это бы само собой очень скоро выяснилось - и что бы заставило его тогда оставаться при нашем храме?.. Неужели же цель была только в том, чтобы принять его на работу, чтобы он, не получая практически никакого внимания со стороны священников и ответственных прихожан, провёл здесь полгода, потом "сорвался" - исчез в неизвестном направлении?..

Остановлюсь ещё на одном вопросе. В конце концов, мы знаем, что ничего плохого не произошло - но не подвергался ли всё же некоторой опасности наш приход?.. У молодого человека, несомненно, всё-таки были в этом приходе свои цели. Не имеющий собственного "духовного дома", не любящий нашей Церкви и не отвечающий за неё, привыкший рассматривать все общества, в которых он побывал, как средство исполнения своих целей, он, несомненно, хотел увести в свою секту какую-то часть прихожан. В этом он с удивительной наивностью признавался мне, так, как будто это было дело вполне обычное, в порядке вещей - так он привык к этому в своей прежней практике жизни в других сектах. Но здесь он вдруг столкнулся с непредвиденным обстоятельством. Оказалось, что сделать это с православными людьми не так-то просто! Православная Церковь, скреплённая своими многовековыми традициями, укладом, богослужением, церковной иерархией, особой своей внутренней атмосферой, действительно представляет собой некий "монолит", от которого не так-то просто отколоть кусок. То, что у него с лёгкостью проходило в других местах, здесь почему-то не получалось. В этом он тоже с удивительной искренностью впоследствии признавался мне.

Итак, этот по-своему симпатичный и живущий достаточно интересной жизнью приход удалось сохранить. Но за счёт чего, если вдуматься, удалось это сделать?.. Я уже сказал, что с представителем иной конфессии, по существу, никто не общался. Просто шло богослужение, и некоторые люди вокруг занимались своим делом. Среди кого ему было проповедовать?..

Обстановка в братстве тоже не располагала к проповеди. Привести в свою секту несколько конченных людей, которые постоянно напивались, падали со своих постелей и валялись в коридоре - вряд ли это можно было считать успехом. Как с такими людьми можно было обсуждать тонкости Апокалипсиса?..

Вот и получилось, что миссия его не удалась - но это в данном случае, может быть, вовсе и не было доказательством силы Православия. До него в этом приходе просто никому не было дела. Во многом неудача его проповеди была следствием этой обстановки, когда люди просто достигли некоего духовного уровня, создали определённый уклад - и теперь, уже не слишком задумываясь, продолжали это хранить. Да, его планы разделения прихода не удались - но было ли это в данном случае настоящей победой?..

И последний вопрос, который я хочу здесь затронуть, может быть, не столь серьёзный, связанный с его неудачей в личной жизни. Дело в том, что и возлюбленную его я тоже видал - она как-то приезжала в наше село, я видел их вместе стоящими в нашем храме! Она тоже напомнила мне лучших прихожанок лучших московских храмов, которых я видел в прежние годы в Москве. Это ставит передо мной вопрос - всё-таки, значит, собираются в этой странной секте неплохие люди?.. Значит, возможна там, пусть не такая глубокая и упорядоченная, как в Православии, но всё-таки какая-то духовная жизнь?.. Значит, удалось, может быть, этим китайским проповедникам там, у себя на китайской почве создать что-то живое и свежее?.. Правда, книги этих проповедников, с их невразумительными рассуждениями, в дурных русских переводах, невозможно было читать. Да и вообще, сам образ этой церкви, достаточно немногочисленной, но считающей себя стоящей над другими конфессиями и церквями, представители которой могут свободно являться в другие конфессии и церкви и там проповедовать, используя эти конфессии для своих целей, не вызывает у меня особого энтузиазма. Но, впрочем, я и не могу об этом серьёзно судить, потому что мой дом - это Православная Церковь, и именно за неё я ответственен, и именно её достоинства и недостатки могу обсуждать, и

потому не могу достаточно компетентно рассуждать о других, малых и больших "домах".

Мне кажется, что его неудача с этой женитьбой была связана всё с той же "бездомностью", я имею в виду, в духовном плане - приехал в одну секту, побыл в ней, потом поехал в другую... Такие люди, быть может, и не могут жить семейной жизнью, не могут создать свой собственный прочный дом... Впрочем, я, наверное, тоже зря об этом рассуждаю, и как бы вмешиваюсь этим в его личную жизнь - но я делаю это только потому, что эта женитьба тогда всё равно не удалась, и что с тех пор прошло уже много лет, и, что, по-видимому, все эти обстоятельства и его прежние намерения не составляют на самом деле никакой страшной тайны.

Интересно, где он теперь?.. Продолжает ли свои бесконечные скитания по различным конфессиям и сектам?.. Или нашёл себе приют в одной из них, стал заметным, ответственным деятелем, как ему это не раз и предлагали?.. Или, может быть - почему бы и нет? - успокоился, наконец, душой в православном храме, стал надёжным, ответственным сотрудником в одной из православных организаций?.. Не имею о нём никаких сведений с тех пор. Возможно, и ему каким-то образом попадутся на глаза эти страницы, и он поймёт, что речь здесь идёт о нём - но, возможно, по некоторым очевидным причинам (в случае, если он по-прежнему принадлежит к какой-то другой конфессии или секте) не захочет отвечать.

На этом заканчиваю мои размышления о прекрасном молодом сектанте и его прекрасной возлюбленной, которых неизвестно каким ветром занесло тогда в наш подмосковный храм.

Тревоги

Жизнь братства тянулась по-прежнему. Оно существовало теперь "в малом составе", в нём проживало не более десяти человек. Ничто, как правило, не нарушало привычного течения жизни, но иногда случались и сюрпризы.

Так, зимой неожиданно вернулся наш Саня. Он скитался где-то несколько месяцев, и в этих скитаниях, как я уже сказал, потерял мать - и вот теперь с началом морозов в последней надежде вернулся в знакомый храм. Но ему в этот раз не повезло. Братство, видимо, уже не имело никаких перспектив, и было принято решение не принимать в него новых жильцов. Он оказался перед дверями нашего корпуса на

улице. Идти ему было некуда, и он остался здесь, в посёлке. Ему приходилось перебиваться в каких-то вагончиках и сараях. В корпус он теперь доступа не имел, но всё же по старой памяти иногда приходил сюда. Никогда не забуду, как однажды вечером, вот так же зайдя в корпус, он в необычайном волнении вдруг обратился к собравшимся вокруг братьям. Оказывается, он собирался куда-то на другой конец села, к каким-то незнакомым людям, причём люди эти были такого сорта, что он совершенно не знал и не был уверен, что с ним там будет. Два или три раза он громко повторил свою фамилию, имя и отчество - чтобы, если с ним там что-то случится, о нём бы осталась хоть какая-то память на земле. В эту трудную для его жизни минуту он специально пришёл к нам, людям, которые хоть немного его знали, чтобы, возможно, последний раз повидаться с нами и попрощаться. После этого он вышел из корпуса и ушёл в морозную ночь. Честное слово, меня эта сцена до глубины души потрясла!..

В тот раз он, правда, вернулся - но с глубокой ссадиной на лбу, которая через некоторое время начала воспаляться. Он нашёл себе пристанище в полиэтиленовых палатках на самом краю села, прямо посреди поля, которые остались здесь после осенних работ. Такие палатки неплохо держат тепло, и в них ещё есть маленькие печурки, которые позволяют вполне сносно существовать в них осенью и зимой. Правда, такой же, как он, бродяга, который обосновался здесь до него, как-то забыл погасить печурку на ночь, и угорел здесь, и задохнулся, и его в ту же ночь съели крысы. Вот здесь-то теперь поселился наш Саня, и здесь, больной, безучастно лежал на своей жёсткой деревянной лежанке.

Мы с одним заботливым братом носили ему сюда еду. Но ссадина продолжала воспаляться. Было принято решение везти его в больницу. Мы потратили на это целый день, ездили и в областной город, и в Москву, много ходили пешком. Наконец, после длинных очередей, ему обработали и перевязали рану. Но силы его, наверное, были на исходе. Когда я на следующий день снова пришёл в его палатку, он как-то отрешённо и безучастно взглянул на меня, назвал меня по имени и сказал:

- Я, наверно, завтра умру. Чувствую уже, как к сердцу подступает...

Я побежал скорей к батюшке. Батюшка, услышав об этих новых обстоятельствах, сменил гнев на милость, и скорей велел вести его в братство. Так в тот раз снова удалось его спасти.

Но, как я уже прежде говорил, это не привело к сколь-нибудь

серьёзным результатам. Пожив какое-то время в корпусе, отогревшись и поправившись, он через какое-то время расслабился и снова начал пить. Видно, не удавалось ему по-другому организовать свою жизнь! Видно, не мог он взяться за ум, чтобы заняться чем-то серьёзным и полезным! Наверное, как я уже сказал, он просто не имел в жизни других навыков - он мог или спастись от голодной смерти на улице, или же "расслабляться" и жить по действию своих страстей, если по чьей-либо доброте оказывался в тепле. Другие навыки в нём за годы его бессмысленных скитаний вместе с матерью просто не смогли развиваться.

Вновь повторяю - несмотря на очевидно разрушенную жизнь, в этом молодом человеке, несомненно, было что-то доброе. В нём чувствовались одарённость, талант - и, несомненно, где-то в другой ситуации, при других обстоятельствах всё это смогло бы развиваться. Потому-то, наверное, с ним бессознательно и искали дружбы лучшие члены братства. Так, например, и тот молодой человек, с которым я когда-то познакомился на подворье, на закрытой лесной территории, тоже считал себя его другом. И тот человек, который в первый раз меня сюда привёз, тоже хорошо к нему относился. В нём было что-то такое, что побуждало его уважать, проявлять к нему интерес, заботиться о нём в трудных жизненных ситуациях. Это особенно чувствовали вдумчивые, серьёзные, глубоко верующие члены братства, те, которые в этих непростых обстоятельствах ставили главной своей целью служение Богу и ближнему.

Вот, например, "добрый ангел" нашего братства - человек средних лет, который не знаю, как и почему сюда попал, но, оказавшись в этой непростой обстановке, всё время своего пребывания здесь проявлял трогательную заботу о братьях. Чуть кто заболел - он уже около его постели, щупает рукой лоб, ищет средства лечения. Кроме того, много времени проводил в храме, прекрасно читал на клиросе, старался читать духовную литературу. Мы с ним вместе носили для Сани еду, когда тот жил в полиэтиленовой палатке на краю поля.

А вот "духовный лидер" нашего братства - высокий статный молодой человек, который, как мне кажется, попал сюда по недоразумению. В годы своей бесшабашной юности он совершил какое-то хулиганство, и потому провёл некоторое время в тюрьме. Выйдя из заключения, он испытывал трудности устройства в жизни и был принят батюшкой в братство в силу его особой духовной одарённости. Он прекрасно пел и читал, глубоко интересовался духовными вопросами, тоже читал духовные книги. Это он однажды сказал, что у

нашего Сани "совершенно нормальный характер", и что он не имеет ничего против, чтобы тот жил здесь вместе со всеми.

Но ничто не помогало. Несмотря на заботу таких достойных людей, наш Саня никак не мог "взяться за ум" и вернуться к нормальной человеческой жизни. Он вёл себя резко, грубил, и его "лидерских задатков" хватало только на то, чтобы собрать группу знакомых ребят, пойти в село и там вместе напиться. Наученный горьким опытом своей прежней жизни, он всегда искренне удивлялся тому, когда кто-то бескорыстно ему помогал - приносил ему еду, ездил с ним вместе в больницу, старался устроить снова в корпус. В его сознании это не укладывалось, он не понимал, "зачем людям это надо". Но я верю, что его искренняя душа всё-таки на это откликнулась.

Читателю может показаться странным, почему я, описывая здесь в целом этот приход и это братство, так много уделяю внимания этому достаточно непутёвому парню. Вот уж он-то здесь был совершенно не характерен, и никак не достоин быть главным героем этого очерка! Но не знаю, как это объяснить - а только он почему-то из всех особенно мне запомнился! У меня иногда бывает чувство, что именно ради него, для того, чтобы его спасти (или, по крайней мере, ради подобных ему людей) и существовало братство! Не знаю, почему у меня такое чувство, не могу это объяснить!..

Не знаю, как сложилась дальнейшая его судьба, что теперь с ним. В один прекрасный день я уехал из этого братства, и больше мы с ним не виделись. Из той, последней зимы, когда нам всё-таки удалось его спасти, помню также тот момент, когда второй раз "нашлась" его мать. Она как-то сумела позвонить в храм, и сообщила, что оказалась на постоянном проживании в психиатрической лечебнице. Для него это было равносильно потере матери. Ехать туда и навещать её он уже не стал. Мы, его доброжелатели, тоже поняли, что связь с ней навсегда потеряна. Так он оказался в мире совершенно один. Но, впрочем, для неё, может быть, и неплохо, что она, хоть и таким образом, но нашла себе "жилё".

Вновь и вновь передо мной встаёт вопрос - какой во всём этом был смысл, зачем всё это было?.. Потеря отца, отъезд из родного города, бессмысленные скитания где-то у чужих людей, по чужим углам... И вот, наконец - психиатрическая больница в далёкой Москве, и сын, оставшийся один на улице..., ведь был же какой-то во всём этом смысл, ведь было же это зачем-нибудь нужно?.. Или бессмысленно пытаться проникнуть в загадку чужой судьбы?..

Видите ли, я уже сказал, что у меня уже давно есть предчувствие, что и с сыном всё сложилось далеко не так удачно. Что его, быть может, давно уже нет с нами на этой Земле. Знаю, что сам жанр подобных записок требует, чтобы автор не называл имена конкретных людей, а ограничивался лишь общими описаниями. Но я думаю, что здесь нужно сделать исключение. И потому этот молодой человек будет единственным, имя которого я назову - так, как я запомнил его тогда, в ту морозную ночь, когда он уходил куда-то на другой конец села к каким-то незнакомым людям, и хотел, чтобы здесь, в братстве остались люди, которые бы это имя запомнили. **Комольцев Александр Анатольевич**. Это его настоящее имя. Пусть оно послужит для этих, скорее, литературных, художественных записок тем звеном, которое свяжет их с реальной жизнью, а для него - бесприютного, одинокого, неизвестно где находящегося - гарантией того, что тогдашняя его воля исполнена, что есть (и какое-то ещё время будет) на Земле такой круг людей, которые знают и помнят, что жил на свете такой человек. Ведь было же, в самом деле, в его душе что-то доброе и светлое!.. Ведь видел же я несколько раз на его лице, когда он стоял в храме, возвышенное и светлое выражение!.. Нет, вовсе не был он тем "зверем в человеческом облике", как это казалось некоторым!.. Тоже был человек, живая душа - но странные, болезненные обстоятельства, неудачно сложившаяся судьба нарушили, исказили его жизнь!

Всё, больше я ничем не могу ему помочь. Вся эта история, которую я здесь (конечно, своими словами и со своей позиции) описал - совершенно реальна. Где-то в архиве, наверно, и до сих пор хранится запись той передачи, где он выступал, в надежде найти свою мать. Кто-то, может быть, найдёт её, и тогда убедится, что всё, о чём я здесь пишу - абсолютная правда.

Тяжёлая обстановка

Так тянулись недели и месяцы. Некоторые дни я проводил в Москве, а потом снова собирался, садился на пригородный автобус и ехал в этот подмосковный приход. Эти поездки оставили во мне двойственное впечатление: с одной стороны, я погружался в мир традиционной церковной жизни, глубокой созерцательной молитвы, а с другой - в эту дикую и беспорядочную жизнь, которой жил наш корпус. Вот и снова автобус через подмосковные леса и поля везёт меня в это село. Что-то там встретит меня на этот раз?..

...В этот раз все обитатели корпуса были возбуждены и напуганы одним чрезвычайным происшествием. Прежний руководитель братства (тот самый, о котором я уже писал, который где-то скитался, потом был принят обратно, и теперь невольно по старой памяти вёл "войну" за руководство) невзлюбил за что-то одного молодого работника. Неприязнь эта, наверное, была вызвана удачливостью этого молодого человека, тем, что он был в храме на хорошем счету, что у него, как говорится, "всё было впереди", а у нашего прежнего руководителя - "всё уже позади". Дошло до того, что он прямо во время трапезы принёс в трапезную топор, и хотел ударить молодого человека по руке. Тот едва успел отдернуть руку. Мне в тот же день показывали зарубку от топора, которая осталась после этого на столе.

В чём же дело? Почему наш брат, конечно, совершенно беспутный, но всё же по-своему заботящийся об общем деле, решился на такое?.. Видимо, и сознания-то его здесь не было, а были только страсти и всё та же борьба за лидерство. Атмосфера этой борьбы ничего общего не имеет с церковностью. В Церкви люди делают общее дело, и каждый дополняет друг друга, и каждый нужен именно таким, какой он есть. Если начинается борьба за первенство, за власть - то, считай, что здесь уже нет Церкви. Именно это и произошло в данном случае. Люди жили при Церкви, ходили на богослужения - но в отношениях их возобладало обычное мирское, безжизненное: "ты или я?", "кто главный?.." Это и привело к тому, что этот приехавший издалека молодой человек чуть не пострадал.

Интересно взглянуть на ситуацию и глазами этого молодого человека. Он приехал в Москву из какой-то южной республики. Нашёл себе хорошее место недалеко от Москвы, при храме. И вот - из-за нашего властолюбивого брата, которого из чувства христианского милосердия держит при себе батюшка, мог вернуться домой калек! Почему? - да просто потому, что более удачливый, молодой, красивый... Слава Богу, что Бог этого не допустил!..

После этого многие в братстве призадумались. Всем было как-то не по себе. "Преступник", конечно же, покаялся. Он был, как я уже не раз говорил, в общем-то, неплохой человек - просто очень властолюбивый и страстный. Жизнь в корпусе постепенно входила в свою колею. Но после этого случая обстановка в братстве всё же стала более напряжённой. В неё как бы проникали отчуждение, неприязнь, недоверие. Я сам видел, как однажды за трапезой прямо передо мной один человек что-то сказал соседу - а тот в ответ ударил кулаком по его тарелке супа, и разлил у него

прямо перед лицом весь суп.

Короче, находиться здесь становилось довольно тревожно. Один мой знакомый, который приехал сюда в гости из Москвы, посмотрел-посмотрел на всё это - да и сказал мне:

- Слушай, уезжай-ка ты отсюда подобру-поздорову, пока...

Но я остался. Меня привлекала обстановка этого прихода, в которой можно было жить, молиться, в которой был налаженный распорядок, и в которой от такого, как я, приезжего человека, в общем-то, ничего не требовалось. Возможно, причиной было и то, что в это время в Москве у меня не было серьёзных дел. Но почему это было так - это уже совсем другая история...

Из этих последних месяцев моей жизни в братстве хочу вспомнить ещё одного человека, который мне как-то особенно запомнился. Я хотел описать его ещё раньше, когда завёл речь о несчастных и обездоленных, но тогда это было не к месту, и поэтому сделаю это теперь.

В последнюю осень и зиму я встречал в братстве человека, который почти ни с кем не общался, глядел отчуждённо и высокомерно, и вообще всячески старался показывать своё презрение ко всем здесь собравшимся. Я не знаю, как он сюда попал. По разговорам можно было судить, что от него отказались родные. Почему-то его близкие не смогли жить с ним, и нашли способ поместить его сюда. Кажется, по его характеру можно было понять, почему это произошло. Здесь он вёл себя крайне отчуждённо, замкнуто. С ним почти невозможно было заговорить ни на какую тему. Всё вокруг он воспринимал как чужое. С окружающими людьми он не считался. Здесь, в приюте для несчастных и обездоленных людей, он не сдерживал себя никакими нравственными нормами - так, про него говорили, что в отсутствие жильцов он ходил и шарил по карманам их одежды, вынимая оттуда деньги. Если его просили о чём-нибудь, он всячески демонстрировал своё презрение к этому человеку и нарочно делал всё назло, так что тот уже был сам не рад, что попросил.

Конечно, ему самому было нелегко. Возможно, перед ним открывалась возможность счастливой семейной жизни, но в этом что-то не сложилось, и вместо этого он вдруг попал сюда. Но, если подумать, то почему же так произошло?.. Можно ли представить, что прежде, в своей недавней жизни, он был внимательным, добрым, отзывчивым - и только лишь попав сюда, стал таким, как сейчас?.. Вряд ли... Думаю, что и в своей прежней жизни он обладал теми же качествами характера, и этим смущал и посторонних людей, и родных. Другой вопрос - а почему он

таким стал?.. Но это уже совсем другая тема, которая выходит за пределы этих моих размышлений.

Я поначалу всё старался наладить общение с ним. Помню, как-то в большой праздник я специально зашёл в книжную лавку и купил там замечательную книжку, чтобы после трапезы подойти к нему и его поздравить. Это была известная и очень популярная среди современных верующих людей книжка "Флавиан", которая так хорошо написана, что если бы он только открыл её, то она непременно бы увлекла его, и произвела бы на него доброе и благотворное впечатление. Подкараулив его в коридоре, я поздравил его и протянул в подарок книжку. Но он даже не стал разговаривать со мной, чуть ли не оттолкнул меня и прошёл дальше по коридору. Ничто здесь - ни церковные праздники, ни окружающие люди его не интересовали, он, очевидно, чувствовал себя, как в тюрьме. С тех пор я стал в общении с ним осторожнее.

Я иногда думаю - что же это за состояние? Думаю, что в это состояние души попадает человек, излишне замкнутый на своём "я". Других людей он почти не замечал, в каком-то смысле вообще не считал их за людей. А вот зато своей личности, своим прежним несбывшимся планам, тому состоянию, в которое он теперь попал, придавал огромное значение. А ведь была, была у него возможность на всё взглянуть иначе, и эта возможность - вера! Он мог оглядеться вокруг и увидеть, что он попал, в общем-то, в неплохое место, что здесь рядом прекрасный храм, добрый и опытный священник, что здесь в приходе есть культурные люди, с которыми можно общаться, что здесь есть работы на свежем воздухе, что здесь можно успокоиться, разобраться в себе, обдумать и впоследствии решить свои непростые жизненные проблемы!.. Вера, если она уже найдёт место в душе человека, побуждает его более спокойно относиться к любой обстановке, помогает ему использовать любые жизненные обстоятельства для своей духовной пользы... Но он не мог совершить этот шаг, не мог открыть свою душу Богу и с Его помощью обрести силы для решения своих жизненных проблем. И я думаю иногда - не было ли причиной этого (кроме его собственного характера) также и то, что он, по существу, не испытывал собственного стремления к Церкви, что он был помещён в эту прекрасную обстановку богослужения и приходской жизни, по существу, насильственно?.. Вновь мы приходим к мысли, что Церковь не должна решать судьбы людей, относиться к ним как к пациентам, которые лежат в больнице и только и должны, что исполнять предписания врача. Впрочем, это тема отдельного разговора, и мы её здесь касаться не будем.

Впоследствии я встречал и других людей, которые тоже знали его и старались помогать ему. Так, одна пожилая женщина из прихожанок храма всё ходила к нему, чтобы поддерживать его - а заодно и "достучаться" до его души, "отогреть"! С ней он обращался так же, как и со всеми нами. Трудно достучаться до замкнувшейся в себе, отвернувшейся от Бога души! А в какой-то момент пришло известие, что его родственники сняли для него в соседнем городе небольшую квартиру, и он вовсе не обязательно должен жить в братстве! Он поехал туда, и какое-то время его не было, но потом он снова вернулся - видно, не выдержал одиночества, видно, ему всё-таки захотелось жить с людьми! Нет, всё-таки было в этом человеке что-то доброе!.. Ведь стал же он позже сухо и сдержанно здороваться со мной в коридоре! И ведь откликнулся же он и согласился, когда я как-то сказал ему, что вечерами мы могли бы с ним заходить друг к другу и беседовать! (Правда, дальше этого дело так и не пошло - замкнутость и отчуждённость всё-таки взяли верх!) И ведь нашёл же он себе позже какое-то дело на пользу храма, и подолгу занимался им во дворе (правда, всегда старался поддеть и уколоть меня при встречах, что вот, я только гуляю и дышу свежим воздухом - а он зато занимается "полезным делом")!..

Итак, в этом человеке, как и во всех других, тоже было что-то доброе. Но главное, тем не менее, оставалось - замкнутая, очерствевшая душа, которая целиком сосредоточена на себе, и поэтому способна не принять (а кто знает - может быть, и отвергнуть!) Бога. Не свойственно такое состояние, пусть в небольшой степени, и многим из нас? И как тонка грань, отделяющая нормальное состояние открытости Богу и людям - от этого состояния чёрствости, замкнутости и безразличия! Верующих людей спасает и сохраняет от этого ненормального состояния их вера. Но что делать неверующему - он вполне может прожить в этом состоянии всю жизнь, и так и не найти этого нормального состояния, и так и не понять, что же с ним произошло!..

Вот такого человека я встретил в корпусе под конец моего пребывания здесь. Этот характер побудил меня о многом задуматься. Но, к слову сказать, даже этот столь очерствевший и безразличный к другим людям человек не смог здесь ничего серьёзного натворить! Это я говорю к тому, что напрасно боялся мой посетивший братство на несколько часов знакомый. Другие члены братства тем более не могли совершить каких-нибудь серьёзных преступлений. Единственный инцидент с топором, который действительно произошёл, был, как говорится, "исчерпан", его виновник покался и попросил прощения.

Действительно, близость храма и богослужения благотворно действовала на обитателей корпуса, смягчала нравы. Многие из этих обитателей были верующими, имели некоторые нравственные принципы. Они, действительно, жили в корпусе вовсе не для того, чтобы окончательно испортить свою жизнь. Ничего по-настоящему плохого и непоправимого здесь, видимо, в принципе не могло произойти. В этом смысле наше братство, наш корпус всё-таки в какой-то степени исполняли свою роль.

Что же касается этого человека, которого я только что описал, то я тоже совершенно не знаю, что стало с ним дальше. По словам той женщины, которая ходила к нему и старалась как-то его "смягчить", он, возможно, погиб. Но меня во всей этой истории, достаточно непростой, наводящей на многие размышления, интересует один вопрос - как так могло получиться, что этот человек, по существу, неверующий, оказался при храме, в этой целительной обстановке, по существу, насильственно?.. Какое впечатление могло остаться у него после этого о Православной Церкви?.. Мне кажется, об этом тоже стоит поразмышлять.

Отъезд. Последние мысли

Самых последних недель жизни братства я не застал. Я не присутствовал при том, когда оно было окончательно распущено, когда последние его члены были отправлены в другие места и корпус окончательно перестал принимать новых жильцов. Последний раз я был здесь весной. В тот год я с какой-то особой охотой приезжал сюда, и оставался здесь уже не на 2-3 дня, как в первые годы, а на 2-3 недели. Признаться, эта обстановка тоже "затянула" меня - казалось бы, ни к чему не устремлённая, как бы "застывшая" - но в которой можно было спокойно отдыхать и молиться, и понемногу поправлять здоровье. Но в ту весну, работая на холодном ветру, я заболел. Делать было нечего, как возвращаться в Москву. В Москве я задержался, так что вернулся в это подмосковное село уже в начале лета. Всё было по-прежнему: среди клубящейся зелени возвышался знакомый белый храм, за ним на территории виднелись знакомые хозяйственные строения. Но только братства больше не было. Сотрудники сказали мне, что здесь негде больше остановиться и переночевать. Я постоял в храме, погулял по селу, обошёл все знакомые места - и уехал обратно в Москву.

Теперь передо мной стоит непростая задача - как-то завершить эти

мои впечатления о подмосковном братстве трезвости. Хочется напоследок сказать что-то самое важное, что-то ещё обдумать, сделать некоторые выводы. Как бы не получилось это моё "завершение" более длинным, чем сама история! Но, я надеюсь, что с Божьей помощью удастся этого избежать, и, высказав некоторые последние мысли, оставить остальное как повод для размышлений читателю. Наверное, ещё не родился человек, который, стремясь высказать что-то для него действительно важное, сумел бы высказать *всё до конца!*

В первую очередь хочу сказать, что дело это было действительно доброе. Многие люди, имевшие в жизни действительные проблемы, нашли здесь пристанище, отдых - а впоследствии и некоторые средства решения этих проблем. Не нужно придавать слишком большое значение тем "недостаткам в организации", которые я, будто специально их выискивая и обращая на них внимание, здесь изображал! В конце концов, каждое дело складывается под влиянием многих обстоятельств, и нужно в первую очередь обращать внимание именно на то, чем оно полезно!

Предания братства сохранили истории людей, которые, пребывая здесь, смогли избавиться от прежних проблем, и потом действительно изменить свою жизнь. Так, какой-то человек, который оказался здесь ещё в самые первые годы, потом связал свою жизнь с Церковью и отправился на Валаам. Другой, попав сюда, отошёл от своих вредных привычек и потом стал звонарём этого храма. И хотя читатель понял, что я не очень-то одобряю эту идею, чтобы люди связывали свою жизнь с территориями далёких монастырей и находили бы приложения своим силам только при храмах - но всё же в данном случае, для этих конкретных людей, которым, возможно, и в самом деле некуда было пойти, в их конкретной жизни это могло быть шагом вперёд.

Сохранились рассказы совершенно удивительные, в которые даже трудно поверить. Так, приходилось слышать об одном человеке, который был чуть ли не главарём всего российского криминального мира. Всюду, где бы он ни появлялся, звучали автоматные очереди, рушились здания, кругом горела земля. Он держал в страхе все соседние сёла и города, никто не решался к нему и близко подойти. Но вот на пути этого человека появился наш батюшка, заботливо положил ему руку на голову, сказал ему пару ласковых слов - и вот теперь это отродье человечества, эта беда и ужас всех порядочных и честных людей сидит себе мирно в каком-то далёком монастыре и бисером вышивает иконы. Конечно, здесь речь идёт уже не о нашем братстве, а о духовной силе нашего

батюшки, и вообще о духовной силе Православия. Впрочем, не знаю, насколько точно я эту историю передал.

Меня интересует на самом деле сам замысел братства. Возможно ли, реально ли создавать при храмах такие общежития, в которых бы люди "исправлялись"? Впрочем, сознаю совершенно отчётливо, что первоначально никакого замысла не было. Было только желание принимать сюда, на стройку, всякого, кто бы ни постучался в ворота храма. В этом я вижу проявление огромной широты души, огромной любви к людям, и это само по себе дело удивительное.

Однако впоследствии это дело получило вполне официальное оформление. Возникла организация, ставящая целью реабилитацию различных "сложных" людей. Так вот, имеет ли смысл так вести дело, действительно ли в таких условиях происходит "реабилитация"?

Опыт показывает, что нет. Я уже приводил примеры людей, которые по возвращении из братства домой очень скоро срывались, приводил пример одного моего знакомого, который попался на продаже наркотиков почти сразу же после того, как несколько недель проработал вместе с нами при храме. За исключением немногих случаев, когда человек действительно начинает смотреть на всё новыми глазами и впоследствии действительно пытается изменить свою жизнь, пребывание в таких местах не приводит к сколь-нибудь стойким результатам. Для получения таких стойких результатов нужно начать работать над собой именно дома, в своей обычной обстановке. Особое место, со своим особым распорядком, со своими особыми условиями может сыграть здесь только роль первого "толчка". Но может сыграть и противоположную роль - человек привыкает к этой особой обстановке и к этим условиям, ему начинает казаться, что он уже "поправился", - но вот он возвращается к себе домой, и болезнь возвращается в утроенном размере.

Интересно, что это понимал и сам батюшка. В последние годы он был уже весьма скромного мнения о способности братства исцелять людей. Видимо, он понял, что обычные формы церковной жизни - богослужение в храме, причащение, исповедь, сознание самого человека, что он не один, что он принадлежит к Церкви, его внутренняя работа над собой - как раз и являются подлинными средствами такого исцеления. Совместное же проживание при храме является особой задачей, и для него нужны особые люди, и к этому нужно специально готовить людей. Иначе результаты такого проживания могут оказаться поистине непредсказуемыми. Впрочем, прошу прощения, что я, говоря

здесь о батюшке, высказываю по-прежнему свои собственные мысли.

Итак, по-настоящему изменить человека может только его собственная вера. Но это не зависит от места, где живёт человек. Для этого достаточно просто вести духовную работу над собой, чувствовать себя членом некоторого единства верующих людей, встречаться время от времени с такими людьми. Всего этого вполне достаточно, чтобы весьма серьёзно изменить собственную жизнь. Не нужно искать каких-то особых мест, особых возможностей - всё это не даст более глубоких результатов, чем просто глубокая и искренняя вера, и старательная внутренняя работа над собой. Но что делать - наше братство возникло из несколько других побуждений, из несколько другой ситуации. Оно действительно имело целью заботу о людях, которым некуда было пойти. И в этой, своей ситуации оно действительно сделало очень многое.

Вот такие выводы я из всей этой истории для себя делаю. Думаю, что нечто подобное поняли и другие люди, которые так или иначе были связаны с этим братством. Во всяком случае, как я уже сказал, прежнего братства в этом приходе больше не существует. Братство это как-то постепенно и незаметно превратилось в сестричество - но о нём я, по понятным причинам, уже ничего не смогу здесь рассказать.

Интересует меня и сама картина жизни этого прихода, которую я как-то, как мог уже пробовал здесь описать. Почему она была именно такой, почему она именно так сложилась?.. Эта картина прихода, как замкнутого "поместья", живущего своей собственной внутренней жизнью, куда можно было приехать - и забыть на время, что где-то существует окружающий мир, и, наоборот, откуда можно было уехать - и забыть, что где-то в мире существует этот приход... Эти постоянные заботы о территории, о её украшении и возведении на ней новых строений, это отношение к прихожанам, как к "пациентам", большинство которых приходят сюда на лечение, а некоторые даже здесь "лежат" (т.е. проживают на территории), этот образ мудрого батюшки-старца, к которому нужно идти за советом, который разрешит все ваши вопросы... Что всё это значит?..

Я уже пробовал ответить на эти вопросы. Мне кажется, что в жизни этого прихода парадоксальным образом совместились две эпохи нашей церковной жизни - прежняя и теперешняя. Возникнув "на волне" нашего церковного возрождения, с участием столь многих прогрессивных, культурных, интеллигентных людей, этот приход, тем не менее, парадоксально пытался воспроизвести в себе обстановку прежней

эпохи, с её патриархальностью, замкнутостью, некоторой "сельской идиллией". Из-за этого вся жизнь храма производила двойственное впечатление. Он по своему происхождению, несомненно, был современным и городским, и должен был теснее участвовать в процессах современной церковной жизни - но в действительности как бы отстранялся от этого, боялся этого. Из-за этого жизнь его казалась несколько необычной, странной - он как будто избегал соприкосновения с реальной современной жизнью, поскольку такое соприкосновение могло разрушить эту идиллию.

Но я снова поднимаю здесь непростые вопросы. Как я уже сказал, я далёк от мысли во всём этом до конца разобраться и все эти вопросы до конца решить. Меня интересует, на самом деле, гораздо больше эта реальная современная картина. Та, в которой на первый план совершенно явно и несомненно выходит не храм и его территория, а *человеческая душа и её спасение*. В которой центры церковной жизни совершенно явственно и несомненно переместились в города. В которой особое место заняли *общины мирян*, в которых человек может жить глубокой и полноценной духовной жизнью непосредственно в условиях большого города. Вот это всё является подлинным содержанием нашей церковной современности. И по сравнению с этим наш храм, хотя и тоже служил спасению людей, хотя и тоже производил доброе и глубокое впечатление, но как бы не принадлежал к этой современности. Его, как я уже сказал, как бы "не было на карте" нашей современной церковной жизни. И отсюда - несомненная глубина, благотворность - и в то же время странность, двойственность всех этих впечатлений.

Но сделаю некоторый перерыв. Хочется напоследок как-то осмыслить всё, взглянуть на всё в целом - и потому происходит некоторый невольный "наплыв" мыслей. Всегда под конец остаётся что-то невысказанное, что очень хотелось бы сказать - но даже если это удаётся сказать, то всё равно что-то невысказанное остаётся. Поэтому я и не буду пытаться здесь высказать всё, что хотел, а ограничусь лишь некоторыми последними мыслями, и буду считать, что этого достаточно. Так, с Божьей помощью, надеюсь, мне всё-таки удастся завершить мой рассказ об этих впечатлениях.

Заключение

Вновь стараюсь окинуть взглядом всё в целом. Я посещал это место в течение нескольких лет. За это время здесь побывало столько людей и произошло столько событий, что рассказать обо всём этом подробно нет никакой возможности. Многие лица, которых я там встретил, многие детали и обстоятельства так и остались не описанными. То, что мне удалось рассказать, описано, на самом деле, не совсем так и не совсем в том порядке, как это происходило в действительности. Никого, на самом деле, не интересует полная документальность и достоверность в описании событий. Автор стремится передать общую атмосферу, общий смысл событий - и ради этого может пожертвовать некоторыми деталями. При этом нужно иметь в виду, что каждый человек увидит одни и те же события немного по-своему, и передаст их соответственно своему восприятию. Любой другой в тех же событиях обратит внимание на другие детали, сделает немного другие акценты. Абсолютно объективное, отстранённое описание было бы невозможно - да его никто бы и не стал читать.

Я описал здесь некоторых людей, встреченных мною в этом приходе. Жалею, что описал очень немногих. В действительности, это была целая галерея судеб и характеров, и в каждом из них было что-то интересное. Но передо мной стоял выбор - о ком писать. Если это человек, далёкий от меня по характеру, то я просто не смог бы о нём ничего написать, поскольку он мне не близок. Если же этот человек слишком близок, то о нём тоже трудно писать, поскольку для такого описания нужна некоторая "дистанция". Так, например, никто не сможет описать в спокойной, отстранённой, объективной манере своего близкого друга. Поэтому я описывал здесь людей, которые, с одной стороны, были мне чем-то близки по характеру, а с другой - сильно отличались от меня по образу жизни, и на которых я поэтому всё же мог смотреть достаточно отстранённо. Надеюсь, что поэтому некоторые из этих описаний могли оказаться интересными.

Но теперь, под конец, я хотел бы если не описать, то хотя бы перечислить здесь и других людей, которые встречали меня здесь, и благодаря которым существовало всё это дело. Ведь делают же так некоторые авторы, в самом конце своих книг выражая благодарности вполне конкретным людям!

Это, в первую очередь, второй священник нашего храма, которому было поручено духовное окормление братства. В молодости он был

одарённым учёным, которого, однако, интересовала не только наука, так что он начал читать духовные книги и ездить по святым местам. Впоследствии он стал духовным учеником выдающегося священника, потом принял монашество, получил духовный сан, и был, в конце концов, определён на служение в этот приход. Его присутствия здесь почти не ощущалось - но внимательный человек мог заметить, что на нём, на его молитве во многом держится духовная жизнь этого прихода, и что, возможно, именно благодаря ему в братстве, даже в самые тяжёлые периоды и моменты, не происходило крайних ЧП, не случилось чего-то совершенно непоправимого. Это был подлинный молитвенник и служитель Церкви.

А вот регент нашего храма - человек среднего возраста, который почти никогда не улыбался, но на котором тоже во многом держалась жизнь храма. Прекрасный музыкант, получивший классическое образование, он в какой-то момент выбрал именно служение Церкви в качестве регента. В силу каких-то неизвестных мне жизненных обстоятельств он проживал здесь, при храме. С ним всегда можно было поговорить на самые высокие культурные и духовные темы.

А вот ещё один священнослужитель, уже в возрасте (в то время ему было лет 60), который проживал здесь "на покое". В прошлом он был кинематографистом, потому участвовал в возрождении одного из монастырей, стал дьяконом, но у него там что-то не сложилось, и он был выведен за штат, и определён на проживание при этом храме. С этим человеком всегда было интересно поговорить об искусстве и о вере - хотя, конечно, чувствовалось, что ему живётся здесь нелегко. Впрочем, я снова невольно затронул проблемы монашества, проблемы возрождения современных монастырей - а я решил не касаться этого на этих страницах.

И, кроме этого - целый ряд лиц, которых я тоже встречал здесь, и благодаря которым это место было для меня особенно привлекательным и интересным. Некоторых из них я уже упоминал здесь, но подробно не описывал. Это и тот молодой человек, "духовный лидер" нашего братства, который на первое место в своей жизни ставил богослужение и молитву, и вполне благосклонно относился к самому тяжёлому и резкому члену нашего братства - Сане; и тот прежний руководитель братства, из бывших заключённых, который встречал меня с друзьями здесь в первый раз (этот человек в лучшие свои месяцы и недели с большой чуткостью руководил братством, справедливо и заботливо относился к каждому его члену, но, к сожалению, потом

сорвался, был отправлен домой, занялся какими-то другими делами, и удивительно рано погиб - в возрасте 47 лет); и наш повар, очень умный и талантливый человек, который неизвестно как здесь появился, и всегда старался братьев за трапезой занимать и развлекать разговорами (впоследствии я неожиданно обнаружил, что он как две капли воды похож на знаменитого американского психолога Вернера Эрхарда; так же любил устраивать большие трапезы и заниматься психологическими наблюдениями над людьми; это он как-то поделился со мной удивительным наблюдением, что "батюшка терпит всех нас и не разгоняет, потому что ему нужны пациенты"; ему не так-то легко жилось здесь - но он удивительно мужественно терпел это и переносил все здешние трудности); и даже тот грубоватый "хозяйственный лидер", подверженный самым резким и грубым страстям, пивший и участвовавший в деревенских драках, но который при этом действительно болел за общее дело и желал, чтобы у нас в братстве всё было хорошо. Все эти люди находились здесь, и благодаря этому, для того, чтобы встретиться с ними и по мере моих слабых сил их поддержать, мне хотелось приезжать сюда.

И, конечно же, самый главный среди них - это батюшка, создатель этого прихода, достойный и мудрый человек, к которому сюда, на богослужение и для того, чтобы получить его духовный совет, приезжали сотни самых разных людей! Некоторым читателям может показаться странным, почему я, описывая его, нахожу также и недостатки в его деятельности, в его манере организовывать жизнь прихода и управлять людьми. Но мне кажется, что такая манера рассказа вполне уместна, и такое отношение к такому священнику вполне естественно. Можно уважать человека, восхищаться его нравственными качествами и широтой его души - и в то же время находить в его понятиях и манере ведения дел какие-то несоответствия, и пытаться это осмыслить. К тому же я веду речь не о конкретном человеке, а об определённом *подходе* к церковной жизни, о непростых вопросах нашей истории, о том, какие взгляды и подходы в нашей церковной современности наиболее уместны и естественны. Несомненно, что речь в данном случае идёт о некотором *круге* верующих людей, которые живут сходными понятиями, т.е. как бы с "отставанием во времени", благодаря чему их духовная деятельность как бы не "вливается" в современную церковную жизнь. Круг таких людей по-прежнему достаточно влиятелен и широк. Поэтому, мне кажется, такие размышления должны представлять для верующего читателя определённый интерес.

Что же касается этого конкретного священника - то вряд ли у кого-нибудь "поднимется рука" за что-нибудь его осудить. Ведь всё, что ни происходило в этом приходе, происходило, по существу, в первый раз! И священником ведь он прежде никогда не был, а стал им только в возрасте 50 лет! И храмы он никогда не восстанавливал, а должен был учиться всему заново! И таких братств он прежде не создавал, а пробовал сделать это лишь здесь, в первый раз!.. Поэтому я и не могу этого священника ни за что осудить. Первопроходцев не судят. И поэтому даже готовы мы принять, что если он прежде был врачом, то и приход будет в какой-то степени напоминать "больницу", а прихожане "пациентов", и если у него была любовь к сельской жизни и привычка хозяйствовать на земле, то и приход будет в какой-то степени напоминать небольшое "поместье". В конце концов, это черты тоже не только его одного, но и какого-то, пусть небольшого круга людей. Только в современной церковной жизни такие понятия уже вряд ли имеют прочную почву.

Меня интересуют, на самом деле, дальнейшие судьбы людей, побывавших в нашем братстве. Здесь, к сожалению, далеко не всё было в порядке. Я уже привёл примеры людей, на которых это пребывание, по-видимому, подействовало благотворно, которые после этого смогли некоторые проблемы в своей жизни разрешить. Но, к сожалению, далеко не всегда бывало так. Так, года за два до окончательного распада, т.е. в период частичного отпуска и переселения в "малый" корпус, нас потрясла вдруг целая вереница известий о дальнейших судьбах братьев, которые только что жили здесь с нами, а теперь были отправлены домой. Так, один из них, вернувшись домой, как-то лёг дома на диван, закурил сигарету, потом заснул с горячей сигаретой, и... прямо вместе с диваном сгорел!.. Другой, очень вдумчивый молодой человек, который всегда проявлял самый живой интерес к проблемам братства, оказался здесь недалеко на железнодорожной станции около путей, зазевался, и... был насмерть сбит проходящим поездом!.. Третий, тот самый прежний руководитель братства, о котором я только что писал, который сорвался и был отправлен домой, пробовал там чем-то заниматься - но здоровье его уже было подорвано алкоголем, и он умер от сердечного приступа прямо на автобусной остановке! Впечатление было такое, что во всех этих людях как бы иссякла жизненная сила, что они уже не имели сил - а, может быть, и желания жить! Вот и гадай после этого, какую же роль сыграло для них братство - то ли оно не смогло вдохнуть в них это желание жить, то ли они расслабились здесь на всём

готовом, и уже не могли вернуться к нормальной жизни - то ли, несмотря на их плачевное духовное состояние, оно всё же сыграло некоторую добрую роль, смогло продлить на какое-то время их жизни, помогло им сделать некоторый шаг к вере! Это один из вопросов, которые я не берусь на этих страницах до конца решить.

Заканчиваю мои впечатления об этом подмосковном братстве. Как всегда, удалось высказать далеко не всё, и напоследок хочется добавить ещё какие-то мысли, что-то объяснить... Вот, например - зачем я всё это написал?... Конечно же, для того, чтобы изложить реальные жизненные впечатления, которые мне действительно дороги - но также и для того, чтобы осмыслить некоторые вопросы церковной жизни нашего и недавнего времени. Наше церковное возрождение, развитие приходской жизни и возрождение монастырей, роль в церковной жизни мирян и священства, специфика городской и сельской церковной жизни, помощь людям трудной судьбы, расширение церковных территорий, и некоторые другие - всё это вопросы, которые волнуют церковное сообщество в наше время. Этими вопросами живёт, их осмысливает наш церковный организм. Но как это происходит? Конечно же, усилиями отдельных людей. Конкретный человек должен собрать свои мысли, обдумать, достаточно связно изложить - и, таким образом, мы все будем о себе больше знать. Вот именно так и можно понимать содержание и цель этих страниц. Это *внутренняя работа нашей Церкви по осмыслению себя*. С этой точки зрения конкретные впечатления, обстановка, характеры (столь дорогие мне, ради которых я и начал эти воспоминания), быть может, не столь и важны - а важно общее впечатление читателя, и то, какие дальнейшие мысли по самым разным поводам у него в дальнейшем возникнут.

Насколько достоверны эти страницы, насколько им можно доверять? Я уже сказал, что они далеки от документальности, что многое здесь описано не совсем так, или не совсем в том порядке, как это происходило в действительности. Это связано с тем, что полная документальность, на самом деле, никому не нужна - это была бы такая тоска, что никто не стал бы читать. Но вместо этого мои записки, как мне кажется, обладают весьма важным качеством *внутренней достоверности*. Это значит, что я действительно искренне описал здесь то, что я видел и чувствовал - и не преследовал при этом никаких своих целей, не пытался ввести в заблуждение читателя. Некоторые мысли, которыми я иногда дополнял эти описания, я постарался сделать как можно более простыми, содержательными и ясными. Понятно, что это

лишь один из возможных подходов к осмыслению описанных явлений, и я вовсе не стремлюсь придать этим мыслям характер окончательной верности, непререкаемости и истинности. Я думаю, что это самое лучшее, что может сделать любой автор.

Меня, конечно, волнует, какое впечатление произведут на читателя эти страницы. Признаюсь, тогда, лет 10 назад, когда я впервые сказал батюшке, что хотел бы написать о его храме статью, я уловил на его лице некоторую тревогу. Пожилого священника можно понять - здесь делается реальное, живое дело, а тут вдруг какой-то человек выскажет об этом деле какие-то свои неизвестные мысли, и ещё неизвестно, что из этого выйдет... Тогда же я показал первый вариант этой статьи одному человеку - и он сказал, что статья произвела на него впечатление двойственное. Понятно, с чем была связана эта двойственность - с тем, что я, с одной стороны, восхищаюсь этим священником и этой общиной, считаю, что здесь делается действительно Божье дело - а, с другой, замечая в этом деле некоторые недостатки и считаю, что развитие современной церковной жизни пойдёт, скорее всего, другим путём. Так или иначе, но теперь, по прошествии десяти лет, эта статья всё-таки оказалась написана, превратившись при этом в небольшую повесть. Я думаю, в этом есть Божья воля - не случайно же я всё это время помнил, обдумывал все эти впечатления, и теперь, наконец, положил на бумагу. Но эта двойственность, которую ещё тогда заметил мой знакомый (вот именно в том смысле, о котором я только что сказал), возможно, сохранилась - поскольку я и теперь отношусь к этому делу точно так же. Это то свойство, которое вряд ли удастся удалить из этих страниц - поскольку это свойство, скорее всего, не их, и не моё, а объективное свойство некоторой части нашей современной церковной реальности.

Заканчиваю мои впечатления. Как много осталось невысказанным! Всё время хочется что-то ещё добавить - но знаю, что этого делать нельзя. Пожалуй, вот что я сделаю. Сейчас немного отдохну, а потом соберусь с мыслями - и так же, как я это сделал теперь, опишу и другие мои церковные впечатления - все, которые накопились у меня за эти прошедшие 30 лет. Надеюсь, что это тоже окажется в какой-то степени интересным. Так, пусть и через восприятие одного конкретного человека (а я уже сказал, что никто из нас и не сможет иначе описывать реальность), станет более ясным наше время, наше теперешнее положение, наше прошлое, а, возможно, и будущее. Так, быть может, кто-то из нас сможет лучше понять себя - "кто мы, откуда, куда мы идём"...

Разумеется, это будет лишь один из возможных взглядов, не исчерпывающий всей реальности. Но, мне кажется, это будет достойная задача, на которую не жалко потратить силы и время...

брат Алексей, Москва, сентябрь-октябрь 2018 г.

БУДНИ ОДНОГО БРАТСТВА

Контакты Автора:

Email: alkozis@yandex.ru

Все права на произведения принадлежат
исключительно автору.

Составитель-редактор:

Независимое Издательство «Первая Книга»

Перваякнига.рф